

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Кыновский завод. Фото Прокудина-Горского.

ВЕСИ

№ 3 (181) 2022
апрель

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

К 300-летию Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Кручинин	
Не обижайте Франтишеков!.....	2
Владимир Анчиков	
Коммуна на заимке Маргаритино.....	8
Бедржих Оплетал	
Жизнь чеха в Советской России в 1918 г.....	10
Степан Воротков	
Воспоминания красного командира.....	13
Иозеф Шоллар	
Это вы?.....	16
Иозеф Штовичек	
Приключения «сироток».....	18
Милош Жак	
Разговор с большевистским штабом.....	22
Вацлав Медришцики	
Союзники уже идут.....	28
П.В.Никонов	
Рассказы красного разведчика.....	30
Владимир Воробьев	
Жизнь уральского завода в тылу у красного фронта в 1918 г.....	33
Индржих Бейл	
Вручение знамен чехословацким полкам 2-й дивизии на Монастырской площади Екатеринбурга.....	36
Франтишек Боушка	
После колчаковского переворота.....	40
Александр Кручинин	
Большая ложь и маленькая ленточка.....	42
Александр Кручинин	
«Молодцы, товарищи, китайские товарищи?».....	44
Александр Кручинин	
Удивительные приключения Карела Седлачека, чешского legionера и воина 3-го Яна Жижки полка на Северном Урале, плен, побег из плена и жизнь в уральском лесу, возвращение к своим и окончательное счастливое избавление от всех невзгод и страданий.....	48

Автор-составитель и переводчик Александр Кручинин

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация
Восточного управленческого округа
Правительства Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной информации»
(620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция
рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без
дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безвозмездной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

На обложке: (1) Чехи у ст. Кын; (4) Памятник погибшим красноармейцам на правом берегу реки Актай.
Дата выхода в свет 30.04.2022.

Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий». 620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз. Цена свободная.

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO Clubs,
Centers and Associations

РОССОТРУДНІЧЕСТВО
РОSSOTRUCNICHESSTVO

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АИЖ ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АИЖ ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

НЕ ОБИЖАЙТЕ ФРАНТИШЕКОВ!

Александр КРУЧИНИН

Наследник престола

28 июня 1914 г. во время визита в главный город Боснии Сараево на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда д'Эсте, который был племянником императора Франца Иосифа I, было совершено покушение, закончившееся убийством эрцгерцога и его супруги. Покушение совершила группа террористов из организации «Молодая Босния» под общим руководством лидера сараевской ячейки учителя Данило Илича. Террористов приготовили и вооружили руководители сербской военной разведки: полковник Драгутин Дмитриевич более известный по кличке Апис, его помощник майор Воислав Танкосич и другие заговорщики. Утром 28 июня 1914 г. эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой прибыли на поезде на станцию Сараево для открытия в городе государственного музея. Их встретил военный губернатор Боснии генерал от артиллерии Оскар Поттиорек и охрана. Как раз к этому времени Д.Илич расставил шестерых террористов по пути следова-

Эрцгерцог Франц Фердинанд.

ния кортежа. Они были вооружены ручными гранатами и пистолетами.

При следовании кортежа из автомобилей по улицам Сараево первым, кто попытался совершить убийство, был 20-летний террорист боснийский серб Неделько Чабринович, но брошенная им ручная граната взорвалась за автомобилем эрцгерцога и ранила несколько человек из его свиты, а сам Н.Чабринович, после неудачной попытки покончить с собой, был арестован. Затем автомобили на большой скорости промчались по набережной в мэрию Сараево, где эрцгерцогу была приготовлена торжественная встреча. После приветственных речей, эрцгерцог решил съездить в госпиталь и посетить своих приближенных и охранников, раненных при взрыве гранаты. Выйдя из мэрии, эрцгерцог с супругой и сопровождающие лица расселись в автомобили и двинулись снова по набережной. Не предупрежденный об изменении маршрута водитель свернул направо к улице Франца Иосифа, но ехавший в машине с эрцгерцогом генерал О.Поттиорек спохватился и приказал водителю развернуться и ехать по набережной. Автомобиль замедлил ход и стоявший в толпе зрителей около магазина «Деликатесы Морица Шиллера» другой террорист, 19-летний недоучившийся гимназист боснийский серб Гаврило Принцип, шагнул вперед и произвел выстрелы из пистолета почти в упор.

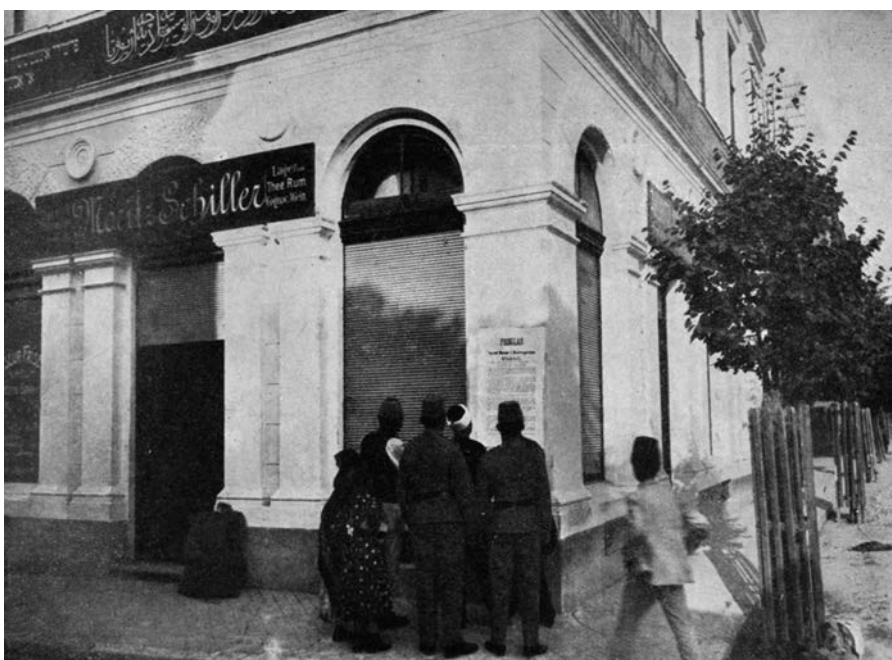
Один из его выстрелов перебил яремную вену на шее 50-летнего эрцгерцога, а другой ударил в живот его 45-летнюю супругу герцогиню Софью фон Гогенберг, урожденную чешскую графиню Хоткову. Раны оказались смер-

тельными, и по дороге в резиденцию губернатора, где им должна была быть оказана медицинская помощь, наследник престола и его жена скончались. Наследник престола не только был женат на чешской аристократке, но и предпочитал жить с семьей в чешском замке Конопиште. Чехи звали Франца Фердинанда на свой манер Франтишекком Фердинандом. Неясные контуры его политических планов при вступлении на престол вызывали необоснованные слухи о его любви к чехам, что на самом деле было далеко от реальности.

3 июля 1914 г. эрцгерцог и его супруга были похоронены в своем замке Арштеттен в Нижней Австрии. Смерть наследника престола не вызвала глубокого отклика в чешских землях. Конечно, газеты и официальные учреждения отдали дань скорби, но в целом чехи оставались довольно безразличными к этому событию. Пражский житель и отставной солдат Иосиф Швейк, если верить Ярославу Гашеку («Похождения бравого солдата Швейка»), спокойно отнесся к известию о смерти Фердинанда, принесенным его служанкой пани Мюллеровой, и только уточнение, что это эрцгерцог Фердинанд из Конопиште, вызвали у Швейка восклицание: «Вот те на! А где это с господином эрцгерцогом приключилось?» Пани Мюллерова уже знала основные обстоятельства события и пояснила: «В Сараеве его укололи, сударь.

Франц Фердинанд с супругой выходит из мэрии.

Место покушения. Магазин Мориз Шиллер.

Гаврило Принцип.

Из револьвера. Ехал он со своей эрцгерцогиней в автомобиле...»

Почти все террористы были схвачены австро-венгерской полицией и после расследования преданы суду, который состоялся 12–28 октября 1914 г. Из 25 обвиняемых, трое, в том числе и Данило Илич, были казнены, двое приговорены к пожизненному заключению, четверо получили по 20 лет, семеро – от 3 до 16 лет и девять были оправданы. Убийца Гаврило Принцип, ввиду того, что ему не было 20 лет и он был несовершеннолетним по австрийским законам, получил 20 лет тюрьмы. Все осужденные к тюремному заключению отбывали

его в крепости Терезиенштадт. Режим заключения был очень строгим, и у Гаврилы Принципа развился туберкулез, которым он был болен ранее. Несмотря на перевод в тюремный госпиталь, он умер 28 апреля 1918 г. от прогрессирующего туберкулеза, и был похоронен на тюремном кладбище. Там же в Терезиенштадте умер от туберкулеза и Неделько Чабринович. В 1920 г. их останки были перевезены в Сараево и перезахоронены в сербской православной часовне на кладбище св. архангелов Георгия и Гавриила.

После того, как в Австро-Венгрии прошел первый шок от убийства наследника престола и были

Гаврило Принцип убивает наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу герцогиню Софию.

получены доказательства причастности к покушению сербских националистических организаций и военной разведки, 23 июля австрийские власти вручили сербскому правительству ультиматум, дав ему на ответ 48 часов. В ультиматуме содержались требования о запрете изданий пропагандирующих ненависть к Австро-Венгрии и нарушения ее территориальной целостности, увольнение с военной и государственной службы всех офицеров и чиновников занимающихся антиавстрийской пропагандой, арест на сербской земле всех причастных к сараевскому убийству, принятия эффективных мер для предотвращения контрабанды оружия и взрывчатки в Австро-Венгрию и т.д.

25 июля сербское правительство ответило и приняло почти все требования, за исключением

тех, которые явно ущемляли ее национальную независимость. Австро-Венгрия расценила ответ неудовлетворительным и разорвала дипломатические отношения с Сербией, а 28 июля 1914 г. объявила ей войну. За Сербию вступилась Россия, а Австро-Венгрии поддержала Германия... Великие державы давно уже готовились к войне, а сараевское убийство стало желанным поводом. Нажимая на курок своего пистолета, Гаврило Принцип нажал на спусковой крючок Мировой войны. Результат известен – 12 миллионов погибших!

Рядовой хозяйственной роты

14 мая 1918 г. в России на станции Челябинск, где уже долгое время стояли эшелоны Чехословацкого армейского корпуса,

пробиравшиеся во Владивосток, на рядового хозяйственной роты 6-го чехословацкого Ганацкого стрелкового полка Франтишека Духачека было совершено покушение, окончившееся только травмой головы у пострадавшего. Покушавшийся на убийство военнопленный австро-венгерской армии 23-летний Ян (Иоганн) Малик был линчеван толпой чехословацких солдат. Несмотря на то, что в разворачивающейся Гражданской войне в России насильственная смерть человека была заурядным явлением, этот эпизод имел значительные последствия.

14 мая на переселенческом пункте станции Челябинск, рядом с эшелонами 6-го Ганацкого полка стоял состав с русскими беженцами, к которому, перед отправлением, были прицеплены три теплушки с австро-венгерскими военнопленными, которые перемещались по России в связи с возвращением домой по условиям Брестского мира. В полдень этого же дня при раздаче еды пленные стояли около чехословацкой кухни и дождались остатков обеда, который им и отдали. Через некоторое время поезд с беженцами стал переезжать с переселенческого пункта на главную станцию, а legionеры закричали пленным, чтобы они передавали привет императору Карлу, а то тухлявая Австро-Венгрия скоро развалится. В ответ из одного вагона с военнопленными вылетел кусок железа и угодил в голову работавшему неподалеку от пути над починкой фургона рядовому Франтишеку Духачеку. Последний упал.

Увидев упавшего товарища, legionеры 6-го полка бросились напрямую с переселенческого пункта на станцию, куда по большой кривой медленно вытягивался беженский поезд. К подъехавшему поезду на станции сбегались группы чехов из 6 и 3-го полков и возбужденно требовали от пленных, чтобы они указали на того, кто бросил кусок железа. Беженский поезд был задержан. Всех пленных – 70–80 человек вывели из теплушек и отвели под конвоем обратно на переселенческий пункт, где они

были окружены огромной толпой легионеров.

На требование указать виновника пленные отвечали грубо и дерзко. Появилась весть о том, что пострадавший легионер Ф.Духачек умер от раны. Тогда дежурный чешский офицер приказал старшему из пленных – фельдфебелю – объяснить необходимость выдачи виновника. Фельдфебель повторил требование офицера на немецком, венгерском и румынском языках. Пленные шумели и вели себя вызывающе. На слова дежурного офицера, если виновник не будет найден, то будет расстрелян каждый десятый из пленных, они ответили криком, а один мадьяр – нецензурной бранью. Он, видимо, думал, что его не поймут, но ведь многие чехи служили вместе с мадьярами...

Легионеры бросились на пленных и начали их бить. Страсти нарастали, и один из пленных, рядовой 23-го пехотного маркграфу Баденского полка мадьяр Ференц Мольнар, чтобы спастись от самосуда, указал на виновника. Ян Малик был окружен толпой, взлетели кулаки, ремни с пряжками, штыки... Когда толпа разошлась, на земле осталось лежать тело Малика избитого и заколотого штыком. При работе следственной комиссии Челябинского совета попутчики Я.Малика военнопленные 88-го пехотного полка рядовые Иосиф Клюка и Карл Юзеф Никель рассказали, что на переселенческом пункте к Я.Малику подошла группа чехов и предложила ему вступить в легион, но он отказался. С тем же предложением подошла еще одна группа, среди которых оказались даже земляки Я.Малика, но он опять отказался. Тогда подошедшие плюнули ему в лицо. Военнопленный Ф.Мольнар добавил, что оскорбленный Я.Малик перед отъездом выразился, что должен убить хотя бы одного из этих собак-чехов.

Следственная комиссия Челябинского совета и комиссия чехословаков работали 15 и 16 мая, а 17 мая чехословакам было предложено выслать в город для расследования стражу 6-го полка, охранявшую пленных при инциденте,

и конвой 3-го полка, сопровождавших пленных со станции назад на пересыльный пункт. Когда десять легионеров 6-го полка прибыли в город, то по приказу председателя Челябинской чрезвычайной следственной комиссии И.А.Кольцова они были арестованы. Узнав об этом, легионеры 6-го полка решили освободить своих товарищей, и вечером 17 мая была предпринята вооруженная демонстрация. Чехи заняли южную часть города, вокзал и телеграф и потребовали освободить своих товарищей. Когда арестованные были отпущены, легионеры вернулись в свои вагоны.

Уведомивший Москву о событии челябинский окружной военный комиссар В.К.Садлуцкий

доложил, что челябинские большевики рады бы разоружить чехословаков, но не имеют достаточно сил. В.К.Садлуцкий просил любой ценой отправить чехословацкие эшелоны дальше, в Сибирь, так как их дальнейшее стояние в Челябинске, которое длится уже месяц, может привести к сильному возмущению в их среде, а связываться с ними, пока не ликвидировано восстание оренбургских казаков, совсем нежелательно.

Но у московских большевиков был другой взгляд на события. Когда народный комиссар по военным делам Л.Д.Троцкий получил донесение о событиях в Челябинске, то этот эпизод было решено использовать для полной ликвидации

Ян Малик

Общий вид Челябинского переселенческого пункта.

чехословацких войск в Советской России. Днем 20 мая всем местным советам у Транссибирской магистрали был отправлен приказ стягивать имеющиеся у них войска к станциям расположения чехословацких эшелонов. В ночь на 21 мая в Москве сотрудники ВЧК арестовали всех работников Отделения Чехословацкого национального совета в России во главе с их руководителями П.Максой и Б.Чермаком. Днем 21 мая под жестким нажимом Л.Д.Троцкого П.Макса и Б.Чермак подписали телеграмму, в которой приказывалось legionерам сдать все оружие и вверить свою судьбу советской власти. Всякий, кто не исполнит этот приказ, будет считаться мятежником и будет объявлен вне закона. 21 и 23 мая помощник Л.Д.Троцкого, заведующий оперативным отделением С.И.Аралов, приказал приступить к задержанию, разоружению и расформированию всех частей Чехословацкого армейского корпуса. Это было формальным объявлением войны чехословацким legionерам.

В это время, с 20 мая, в Челябинске начал работу съезд депутатов чехословацких войск в России, который должен был решить вопросы дальнейшей судьбы корпуса. Первым делом съезд образовал Временный исполнительный коми-

тет и поручил ему организовывать дальнейшее и безопасное движение во Владивосток, куда уже проехала почти треть корпуса. 23 мая съезд узнал о телеграмме П.Максы и единодушно постановил: оружие не сдавать. Отделение Национального совета было лишено права руководства передвижением войск, а это право было вверено Временному комитету. Таким образом приказы С.И.Аралова и решение Челябинского съезда чехословацких войск стали знаком неизбежного вооруженного конфликта между большевиками и чехословацкими legionерами.

Вечером 23 мая два эшелона 6-го Ганацкого полка были отправлены из Челябинска на восток. Челябинский совет не препятствовал, а помог с железнодорожными бригадами. Не встречая никаких препятствий, эшелоны чехов проехали Курган и 24 достигли Петропавловска, где уже находились два эшелона их полка. Вечером 24 мая эшелоны стали выезжать на Омск. Известие об этом вызвало у омских большевиков бурную реакцию, и они немедленно начали готовиться к вооруженному удару по чехословакам. Около полудня 25 мая на разъезд Куломзино, лежащий перед Омском на западном берегу Иртыша, прибыл штабной эшелон 6-го Ганацкого полка. Чехи

были удивлены тем, что маленький разъезд оказался переполнен красноармейцами. Комиссары потребовали от командира 6-го полка штабс-капитана Отокара Гануша сдачи всего оружия и досмотра вагонов. Когда же это было отвергнуто, то красноармейцы начали окружать чешский эшелон. Чехи быстро перецепили локомотив и поехали обратно, на запад. На следующем, Алонском разъезде, штабной эшелон встретил свой 2-й батальон, и было решено уехать еще западнее, на станцию Марьяновка, где дожидаться всех эшелонов полка и всем вместе двигаться на Омск.

Штабной эшелон уехал, а эшелон 2-го батальона задержался из-за неисправности вагона, и когда он выехал, то со стороны Омска показались два эшелона с вооруженными людьми. Началась гонка, как в американском вестерне, и временами большевистские поезда шли за чешским в нескольких сотнях метров и было хорошо видно, что они заполнены вооруженными красноармейцами. Чехам стало ясно, что боя не избежать. Последнее действие трагедии развернулось на маленькой степной станции Марьяновка. Штабной эшелон 6-го полка уже стоял у перрона, а его воины прогуливались с папиросками, ожидая своих. Около 15 часов показался мчавшийся на

всех парах эшелон 2-го батальона, и еще скрипели тормоза, как легионеры начали выскакивать из вагонов и бросились занимать позиции по обеим сторонам станции. Воины штабного эшелона побежали за своим оружием.

Показались большевистские поезда, и когда красноармейцы начали выскакивать из вагонов, то легионеры их атаковали. Красным не дали развернуться в боевой порядок и, находясь в кучках у своих вагонов, они падали под огнем. Через 40 минут все было кончено: на станции лежало около 250 убитых и раненых красноармейцев, 128 человек сдались в плен. Часть красных из хвостовых вагонов побежали на восток вдоль пути. В Омске началась паника, а в Москву полетела телеграмма. В ответ народный комиссар Л.Д.Троцкий отдал грозный приказ о разоружении всех чехословацких эшелонов и о том, что каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железной дороге, должен быть на месте застрелен. В тыл чехословаков были посланы надежные силы, которым было поручено проучить мятежников.

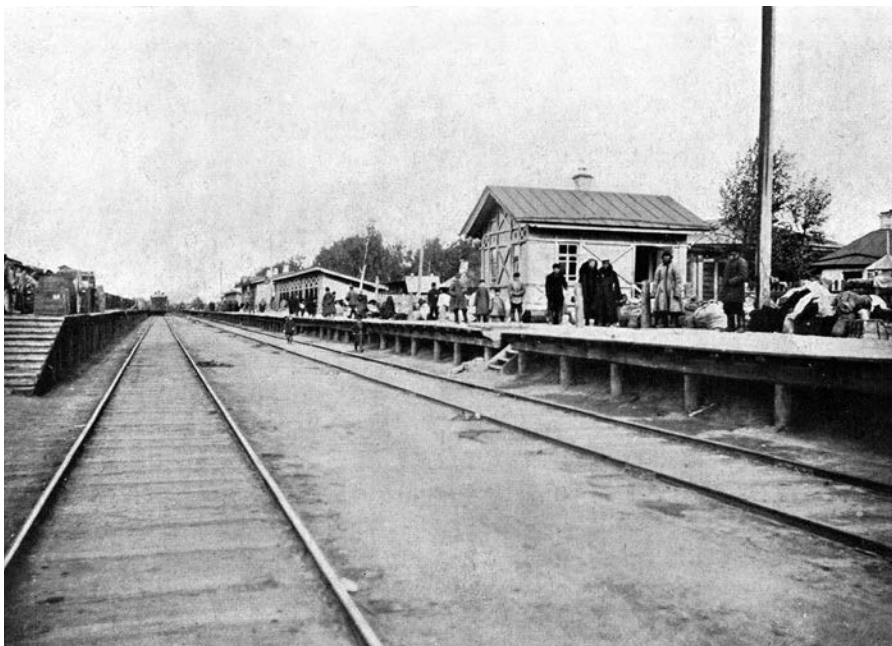
А как же Франтишек Духачек, вызвавший столько шума? В отличие от своего тезки-эрцгерцога, рядовому Ф.Духачеку повезло, и он остался жив. Как он сам рассказывал, голову ему не пробило, так как он был в шапке, но удар был сильным, и он упал без сознания. Через некоторое время он пришел в себя, встал, удивился, что вокруг никого нет, и пошел докладывать дежурному офицеру, а от него в санитарный околоток. Ф.Духачек так и оставался в обозной роте 6-го полка вплоть до отплытия в Европу на огромном транспорте «Президент Грант». 19 июня 1920 г. он прибыл на родину и получил трехмесячный отпуск, а после возвращения в полк в октябре 1920 г. был демобилизован, работал и жил со своей семьей в селе Вытейовец в районе города Поличка.

После двукратного осмотра врачами и составления актов о смерти, Ян Малик был похоронен 17 мая 1918 г. в районе переселенческого пункта. Точное место его погребения не установлено. Долгое

время не было известно, кем же он был? Советские историки, а следом за ними краеведы, музейщики и журналисты дружно считали его мадьяром, что легко объясняло его нелюбовь к чехам и его поступок. Чешские исследователи и авторы знаменитого многотомного труда «За свободу» считали его чешским немцем из городка Рокицаны, в окрестностях Пльзенья. Действительно, в списке потерь, издаваемом императорско-королевским военным министерством за № 681 от 20 июня 1918 г. известно, что в русском плену находился рядовой 4-й роты 1-го егерского батальона Иоганн Малик, уроженец Рауднице (чешск. Раднице) недалеко от Рокицаны. Он был 1885 г. рождения, то есть в 1918 г. ему было 33 года и он был явно старше того человека, чье мертвое тело осматривали медики на переселенческом пункте в Челябинске. Согласно свидетельствам военнопленных И.Клюка и К.Ю.Никеля, сам Я.Малик говорил, что он уроженец села Тучапы района Угерске Градиште. В метрической книге села, хранящейся в Моравском земском архиве г. Брно, известен Ян Малик 1895 г. рождения, который совпадает с убитым по возрасту. Таким образом свидетельство попутчиков Я.Малика и метрическая книга доказывают, что во-

еннопленный, бросивший 14 мая 1918 г. железку во Ф.Духачека и убитый за это легионерами – чех из Моравской Словакии¹.

С 25 мая 1918 г. и в последующие несколько дней на огромных просторах от Пензы до Иркутска разгорелись бои между чехословацкими легионерами и большевистскими отрядами. Надежды народного комиссара Л.Д.Троцкого на свои силы не оправдались, чехословаки очень быстро их разгромили и установили контроль над большей частью Транссибирской магистрали. Чехословаков немедленно поддерживали подпольные белые организации, оренбургские и сибирские казаки, рабочие и крестьяне-повстанцы. В ответ на это большевики объявили повсеместную мобилизацию. На востоке европейской части России и в Сибири разгорелась Гражданская война, а поводом к ней послужила железка, направленная мстительной рукой австро-венгерского военнопленного в голову легионера Франтишека Духачека. И хотя легионер остался жив и даже вернулся на родину, результат войны оказался страшным – 12 миллионов российских граждан умерло от эпидемий и голода, погибло от боевых действий и террора и бежали за границу.

Место покушения. Пути переселенческого пункта.

¹ Автор искренне благодарит консула Чешской республики Штепана Гилара за помощь в поиске сведений о Ф.Духачеке и Я.Малике в архивах Чехии.

КОММУНА НА ЗАИМКЕ МАРГАРИТИНО

Владимир АНИЧКОВ

Автор этих записок родился 9 марта 1871 г. в Смоленской губернии. Окончил Коммерческое училище в Санкт-Петербурге и Высшее техническое училище в Москве. Работал в Симбирске в Волжско-Камском банке, с 1904 г. управляющий Симбирским отделением банка. С 1913 г. в Екатеринбурге – управляющий отделением этого же банка. Активный участник событий 1917 г., при большевиках скрывался на глухой заимке. Вместе с белыми войсками оставил в 1919 г. Екатеринбург, затем уехал во Владивосток и эмигрировал в США. Проживал в Сан-Франциско, автор воспоминаний. Умер 2 мая 1939 г. и похоронен на Сербском кладбище.

Заимка состояла из тридцати – тридцати пяти десятин земли, очищенной от леса. Разработанной, пахотной земли было не более двух десятин. Сама усадьба была расположена на берегу небольшой горной речки Северки, бурной весной и почти пересыхавшей летом. Усадьба состояла из небольшого, но очень уютного дома и только что выстроенного флигеля. Предполагалось выстроить и свою электрическую станцию. Хутор находился в двухстах саженях от разъезда Хохотун Пермской железной дороги и от самой станции отделялся узкой, но очень высокой скалой, состоящей из груды валунов, коих на Урале так много...

Хозяин заимки, Владимир Михайлович Имшенецкий, был человек практичный, не без хитрецы. Дабы спасти свою заимку, он с ранней весны начал хлопотать в Екатеринбургском, Исетском и Решетском совдепах о разрешении организовать сельскохозяйственную коммуну. После уплаты мзды его хлопоты увенчались успехом... Коммуна была разрешена. В члены были записаны вся семья Имшенецких, моя и, для большей демократичности, дворник Федор и два плотника. Мы честь честью заказали бланки, печать и выдавали друг другу мандаты на право проезда в город, что тогда было запрещено. Комиссаром расписывался Имшенецкий, а секретарем – я.

Комиссаром села Решеты состоял очень умный, хозяйственный солдат-мужик и безусловно честный человек. (Был такой случай: Имшенецкий решил сделать ему подарок и преподнес пятьсот рублей. Он спокойно выслушал и, отказавшись от мзды, предложил ему эти деньги внести в Решетскую коммуну, о чем и выдал квитанцию.) Частенько, почти каждое воскресенье, он приезжал к нам наблюдать за нашими работами и присылал крестьян смотреть работу огородника-немца и инкубатор, который всех крестьян очень интересовал.

Вот эти-то документы, гласящие о том, что у нас коммуна, и

Дача Имшенецких.

спасли положение, сбив с толку приехавших делать обыск «товарищей». Выяснилось, что обыск был назначен по доносу плотника Николая. Он совершенно верно указал, что у нас имеются такие запрещенные к владению предметы, как пишущая машинка, револьверы, седла, велосипеды и даже мотоциклетка. Имелась и мука в большем, чем полагалось, количестве, и сахар. Было чем поживиться. Но всего за несколько дней до обыска, предчувствуя грозу, наша молодежь воспользовалась тем, что плотники перепилились, сварив себе самогонку. Разобрав в лачужке плотников потолок, юноши положили на чердак мотоциклетку, велосипеды и пишущую машинку.

«Товарищи» приехали поздно ночью, голодные и злые на доносчика Николая, проглядевшего дорогу. Обыск производили тщательно, разбивали даже стены наших антресолей, но ничего не нашли, за исключением седел. Зайти же в хибарку плотников не догадались...

Старик Имшенецкий принял «товарищей» за меня и спросил в окно:

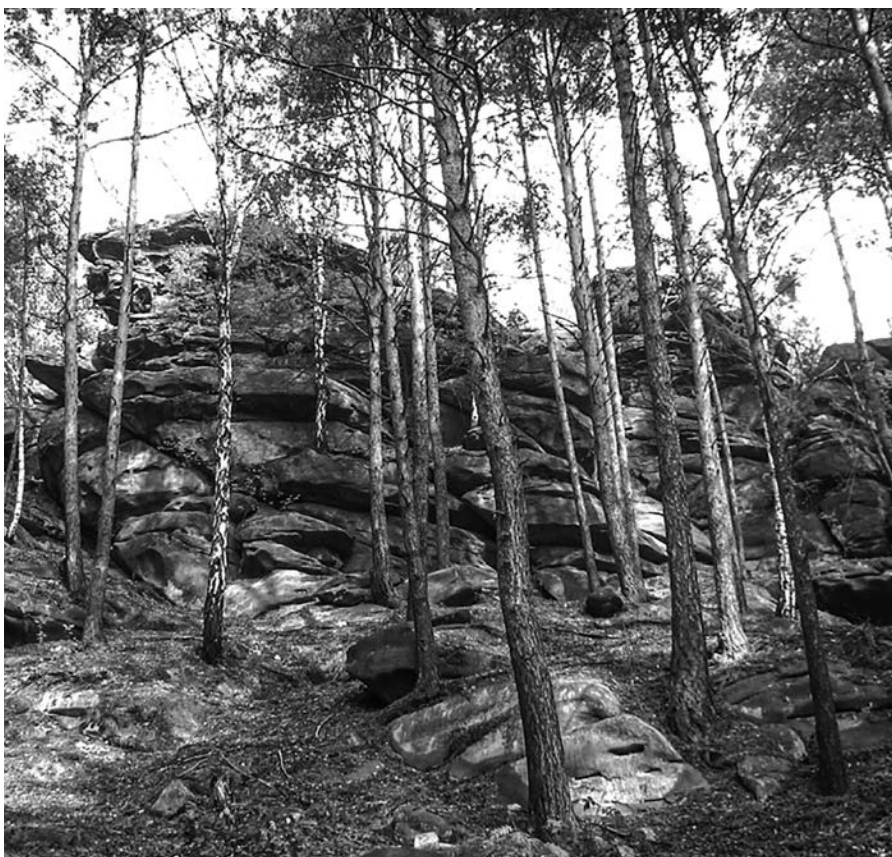
– Владимир Петрович, это вы?
– Из штаба Красной армии.

Он тотчас захлопнул окно, быстро оделся и через дверь, ведущую во двор, убежал в лес.

Старший его сын Володя ушел гулять и, возвращаясь в усадьбу вместе со своим другом Виталием, заметил огонек дымящейся папиросы дежурившего часового. Догадавшись, что в усадьбе неладно, он ползком вернулся обратно и засел в кустах недалеко от дома.

Гостей принимали Маргарита Викторовна и дочь Имшенецкого Ольга Владимировна Половникова. Руководство же обыском взяли на себя Боря и Толя. Они имели вполне демократичный вид, только что закончив возиться с электрической машиной, и были настолько грязны, что «товарищи» не решились подать им свои руки.

С каждой неудачей «товарищи» все более обрушивались на Николая за ложный донос, грозя расправой. Тот сперва из кожи лез, указывая на те места, где мог-

Скалы у разъезда Хохотун.

ли находиться запретные вещи. Но комиссаров ждало разочарование.

Предложенный ужин совсем размягчил комиссаров, и беседа приняла дружеский характер. Они показали свои мандаты – один на обыск, другой на аресты. Толя рассматривал их оружие. Храбрецы удивлялись тому, что мы живем одни в лесу.

Когда же мы показали им бумаги, гласящие о нашей коммуне, – они выразили сожаление, что потревожили нас обыском. Комиссары делились своими наивными мечтами о будущем социалистическом рае, наивно представляя его в виде огромного, побольше агафуровского, магазина, из которого каждый может брать все, что хочет.

На вопрос Маргариты Викторовны, а кто же будет пополнять убыль в товаре, комиссары самоуверенно отвечали, что для пополнения будут работать фабрики.

– А что же, работать-то фабрики тоже будут даром?

– Нет, за товары они будут получать другие товары.

– Я что-то не пойму. На фабриках, значит, пойдет обмен това-

рами? Значит, это будет происходить не даром, а в магазине эти же товары будут поступать даром?

– Нет, не даром, – отвечал товарищ. – Это потребителю будут давать даром, а с фабриками будет через банки расплачиваться правительство.

Дальнейшие расспросы становились опасны, ибо «товарищ» начинал раздражаться.

В результате обыска у нас отняли только одно седло, да и то не даром, как полагалось – «из волшебного магазина», а за деньги, которые тут же были внесены под соответствующую расписку.

В сущности, это были добродушные русские парни, которых так много в рядах нашей армии и которые совмещают в себе и русское добродушие, и невероятную жестокость.

И в руках этих дикарей оказалась судьба русского народа.

*Екатеринбург-Владивосток
(1917–1922).*

М., 1998. С. 117, 127–129.

ЖИЗНЬ ЧЕХА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1918 г.

Отрывки из записок ганацкого медика

Бедржих ОПЛЕТАЛ

Автор приводимых записок Бедржих Оплетал родился в селении Студенец района Простеев 14 июля 1891 г., жил и учился в Праге. В 1914 г. был мобилизован в австро-венгерскую армию в чине кадета 13-го ландверного пехотного полка. Участвовал в боях на русском фронте и 26 октября 1914 г. попал в плен под крепостью Ивангород. Был направлен в тюменский лагерь военнопленных, где спустя некоторое время стал работать фармацевтом в аптеке П.К.Громова. Из лагеря он переехал на вольное жительство и снимал комнату у И.И. и В.С. Могилевских на Городище. Там же в Тюмени Б.Оплетал познакомился с польской семьей Карнацевич, дочь которых Елена стала позднее его невестой. В 1916 г. он поступил добровольцем в Сербскую дивизию, и был отправлен в Одессу, где формировалась дивизия. Батальонный лекарь 3-го сербского полка, подпоручик. Служил и дружил с капитаном Р.Гайдой, который был полковым лекарем, а затем начальником дезинфекционной команды 1-й сербской дивизии. Участвовал в боях в Добрудже. В 1917 г. вместе с другими чешскими офицерами перешел на службу в Чехословацкую бригаду и стал командиром взвода 10-й роты 2-го Иржи из Подебрад полка. Участвовал в битве у Зборов, награжден орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом. Осенью 1917 г. назначен командиром 12-й роты 2-го полка. Вместе с полком убыл с Украины в район Пензы. Решил остаться в России и связать свою судьбу с Тюменью и Е.И.Карнацевич.

Перерыв на учебу

Решено! В субботу 23 марта я передал роту подпоручику Яначеку, хотя и был в это время назначен командиром 3-го батальона. В воскресенье вместе с Эманом Шенбахом выезжаем из Платоновки. Он едет до Бугуруслана, а я в Тюмень, где буду готовиться и с началом учебного года хочу продолжить в Томске свою учебу на медика.

Проехали Ртищево, вечером 25 марта мы в Пензе и на следующий день едем в сторону Сызрани. Поздно вечером 27 марта перед Бугурусланом прощаемся с Эманом, которому скоро выходить. Когда рано утром я проснулся, Манека уже не было – он не хотел меня будить. Я еду в эшелоне железнодорожного персонала Кавказской армии. Все они сплошь приверженцы старого режима и в Царицыне, будто бы, столкну-

лись с красноармейцами. Их цель – Владивосток, и едут они с оружием. По Уралу едем во время сильной снежной бури. Ураганный ветер, вспышки молний и гром. Но поезд мчится вперед. Скоро я буду у цели, где можно потерять последнее счастье в моей жизни и утратить надежду.

Златоуст – центр уральской промышленности проезжаем 29 марта, а на следующий день утром я уже в Челябинске. Здесь я жду поезд в Екатеринбург. Залы ожидания и коридоры вокзала полны народа. Всюду холод и смрад. Много офицеров, возвращающихся с фронта, и грязных солдат – прямо кишит. Какой-то старый генерал сидит на своем чемодане и что-то ест. Подходит милиционер и со словами: «Ступай, ступай!», гонит его. Генерал молча и покорно подчиняется и собирает свой багаж. Я испытываю гадкое чувство. Из Екатеринбурга

Подпоручик Бедржих Оплетал.

я еду первым классом. Какие-то два депутата из Красноярска, возвращающиеся домой с заседания в Москве, разговорились со мной в буфете и пригласили к себе в купе. И хотя даже коридоры набиты битком, мы в купе сидели только вдвоем. Но я не мог выйти и осмотреть Богданович и Камышлов. Наконец-то, в понедельник 1 апреля, как раз в Пасху, я прибыл в Тюмень.

Сначала я разместился в гостинице на Знаменской улице, но вскоре перебрался к своей старой хозяйке Веренее Степановне – вдове Ивана Иудовича Могилевского. Старушка приняла меня с большой радостью. В своем домишке в Городище она обмирала от страха и боялась, чтобы большевики не подсадили ей кого-нибудь. Я достал книги и стал готовиться. Я жил в общем-то тихо. Как-то однажды, когда меня не было дома, приходила какая-то жилищная комиссия и осмотрела дом. Через несколько дней объявился милиционер с вопросом, почему я занимаю две комнаты? На радость Веренеи Степановны я отговорился, что ожидаю жену с двумя детьми. Это помогло.

Но меня стало сильно тревожить то, что творилось вокруг. Вера в сотрудничество с новой властью угасала. Тем более я отдавался занятиям, которые помогали хоть на время отвлечься от действительности, от ежедневных слухов об арестах и расстрелах.

Вскоре после приезда в Тюмень я зашел в лагерь военнопленных, чтобы узнать, нет ли мне почты из дома. Просматривая корреспонденцию,

я увидел знакомые строки. Это была открытка, которую прислала наша соседка из Студенице своему сыну в лагерь. Она начиналась словами: «Только что мы похоронили отца Бедржиха». Я не верил своим глазам, читал эти строчки снова и снова и постепенно осознал, что они означают. Просматривая письма дальше, я нашел и уведомление, которое мне выслали из дома, и убедился, что ошибка исключена. Так я узнал о смерти своего любимого отца.

Чехи против Советов

Советская власть заключила мир с Германией, а Ленин провозгласил, что речь идет только о передышке. В конце марта здешний совет был предупрежден Казанским советом, что чехи едут во Владивосток, чтобы там соединиться с японцами и совместно с ними свергнуть советскую власть. Нужно отбирать у них оружие и любой ценой препятствовать их движению на восток, вплоть до разборки железнодорожного пути.

Сведения о том, что чехи выступили против советской власти, мы получили 29 мая. На улицах города были расклеены плакаты о том, что каждый чехословак, обнаруженный на железной дороге с оружием в руках, должен быть застрелен. Местный совет издал приказ, чтобы все пленные тотчас же вернулись в лагерь военнопленных, где будут интернированы, а кто не выполнит, тот будет застрелен. Находясь в лагере, я придумал способ, как остаться на свободе. У меня был документ, что я сербский военный медик и сербский гражданин. Собрав свои вещи, я предъявил документы, видимо, не очень грамотному стражнику у ворот, и он беспрепятственно выпустил меня. Я тотчас же перебрался к Веренее Степановне, которая была очень рада, ведь чехи снискали всеобщую симпатию: шли слухи об их героических делах, и многие возлагали на них свои надежды.

Тем временем пришла сибирская весна, все проникались ее духом, смеялись и веселились. Я часто сидел в саду, разбитым

и взлелеянным покойным Иваном Иудовичем, таких садов мало было в Сибири. Сижу в беседке, работаю или беседую с хозяйкой и ее гостями. Иногда приходят «поп-расстрига», госпожа Кириллова и озорной мальчишка – «мерзавец Сережка», который вносит в наше уединение юмор и поднимает настроение.

Хожу на прогулки по городу. Когда однажды я возвращался, то увидел, что за мной идет милиционер. Он подошел ко мне у нашего дома и велел идти с ним к комиссару. Это оказался Пермьяков – бывший посыльный, который жил вместе со мной в доме Карнацевичей. Он оценивающе спросил, чех ли я, а когда я подтвердил, заявил, что я делаю в Тюмени и не связан ли я с чешскими войсками. Я показал ему свой сербский документ и ответил, что участвую в охране сербского посланника Спалайковича. Затем я объяснил, что намерен идти в университет и учиться. Наконец, он предложил мне вступить на службу к большевикам. Я ответил, что моя единственная цель – это учеба. Он отпустил меня, но вскоре, после одной из прогулок я нашел свои вещи перевороченными. Хозяйка со страхом мне сказала, что в мое отсутствие милиционеры делали обыск. Они не нашли ничего подозрительного и на этом вроде бы оставили меня в покое.

На востоке России и во всей Сибири вдоль железной дороги шли жаркие бои между чешскими добровольцами и советскими войсками. Собственно говоря, у большевиков это были не войска, они еще не имели регулярной армии, это были милиционные части дополненные различными рабочими отрядами. Не было хорошего командования, хромала дисциплина и организация. Большевистские войска либо бежали из боя, либо оставляли территорию просто без боя.

Освобождение Тюмени

Пришел июнь с жаркой погодой. По утрам хожу купаться на Туру, а весь день сижу дома. Готовлю сам. Большевики оставляют

Тюмень.

Царская улица, магазин Торгового Дома — Бр. Агафуровыхъ.

один город за другим. В середине июля чехи ведут бои за Екатеринбург и наступают от Омска на Тюмень. Гул орудий мы услышали 19 июля. Бой шел у станции Богандинская в 20 км от Тюмени.

Город был в волнении и в ближайшие часы ожидал штурма. Вечером я разговаривал с доктором Кралем, который уговаривал меня, чтобы я не ходил спать домой. Большевики будто бы имеют список людей, которых либо заберут с собой, в заложники, либо застрелят, когда ночью будут уходить из города. Меня могут считать чешским разведчиком, и мне едва ли удастся дожидаться прихода своих. Экзекуции будто бы проводят мадьяры, служащие у большевиков. Но я решил, что никого не буду беспокоить и ставить в опасность за то, что меня укроет. Пойду домой, буду смотреть и если услышу ночью подозрительный шум, вылезу из окна на дерево в саду и спрячусь в его густой кроне. Само собой, что план был очень наивен.

Вечером мы сидели с Веренеей Степановной и пили чай. Я рассказал ей об опасности, которая мне грозила. Она успокоила меня,

что мне нечего опасаться, так как чехи, собственно говоря, уже в городе, но только переодетые. Я спросил, откуда она знает об этом. Она сама так решила, так как видела переодетых чехов на базаре. Она узнала их по тому, что были очень вежливы и что самое главное — платили за продукты! Она сказала, чтобы я шел спать, а она останется на страже и в случае чего меня разбудит. Хорошая старушка!

Я лег спать и на удивление спокойно уснул и спал до утра. Рано утром хозяйка разбудила меня. Большевики ночью ушли и русский человек теперь может свободно вздохнуть. К 11 часам, в субботу 20 июля наше войско вступило в Тюмень. Русские отряды, численно более слабые, чем чехи, вошли против диспозиции командования первыми в город, чтобы сыскать славу. В рапорте о взятии Тюмени действительная роль наших войск была преуменьшена, что и привело к разладу, так что наши даже отказались участвовать в банкете, устроенном городом в честь войск.

Ян Сыровы, который командовал нашими войсками, вызвал меня, чтобы я собрал всех чехов

желающих вступить в армию и отвез их в Омск. Я собрал целый эшелон и выехал с ними из Тюмени 29 июля и на следующий день был в Омске.

После службы в чехословацких войсках в 1918–19 гг. поручик Б.Оплетал уехал на восток вместе со своей женой Еленой и служил в Иркутске и в Харбине. Вернулся в Чехословакию в 1920 г. Первые годы он работал в Праге военным медиком, а в конце 20-х годов открыл свою лечебницу. Они жили скромно, имели сына и дочь и пережили со своей страной и счастливые, и трагические времена. Доктор Бедржих Оплетал умер в 1948 г., а Елена пережила его на двадцать лет.

Opletal B. Anabaze hanackeho medika 1914–1920. Zapisky z velke valky. Praha – Litomyšl, 1998.

ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОГО КОМАНДИРА

Степан ВОРОТКОВ

При наступлении чехословацких и русских белых отрядов летом 1918 г. на Шадринск, в первую очередь, разыгрался бой за село Мингалевское. Оборонявшая село интернациональная рота 4-го Уральского полка потерпела поражение и отступила к Шадринску. О дальнейшем развитии событий в городе Шадринске мы узнаем из воспоминаний командира красного 4-го Уральского полка С.И.Вороткова.

Когда руководство уезда узнало о наступлении чехов и белых, то их в городе с 27 июня не стало: ни Яхонина, Губарева, военкома, начальника отряда рабочих фабрики и моего комиссара полка прохвоста Вырышева, и остальных руководителей.

По рассказам сторожа в Совете мы узнали, что весь состав Совета уехал на дачу за город за 4 версты. Дача была расположена в лесу левее вокзала со стороны города. Мы тут же с т. Грязновым – председателем железнодорожного совета станции Мишкино, выехали туда и обнаружили пустую дачу и никого из них, даже сторожа или прислу-

ги, чтобы спросить, когда и куда они уехали.

Вместо них мы увидели целую галерею ящиков с пустыми порожними бутылками из-под пива и разбросанные по столу, по полу: бутылки, корки хлеба, коробки папирос, выкуренных и не выкуренных, куски колбасы; в общем помещение из себя представляло старый кабаk 19-го века, неубранный с вечера до утра.

Как ни печально теперь вспоминать об этом факте, но эта действительность была неопровержима. Об этом в тот же день 28 июня узнали все красноармейцы и милиция города, и кто теперь еще живой в Шадринске или селе, всегда могут подтвердить. До сих пор я не могу себе уяснить, как это могло случиться и почему эти трусы, не зная еще впереди, за кем останется город до наступления белых и чехов на город 29 июня после боя сбежали, а главное не дали никаких указаний полку – что делать мне?!

Или держать оборону города, или отходить. Если отходить, то они обязаны были быть вместе с полком; ведь это их охрана и защита Совета. Это их детище и должна была поддержать революционный дух и материальную защиту советской власти, а вместо этого они оказались беглецами-дезертирами, спасая самих себя. Забрали все денежные средства в казначействе, и мне 28 июня нечем было выплачивать жалование красноармейцам.

Шадринск. Фото Прокудина-Горского.

Шадринское реальное училище.

Так без всякой власти остался я один – нужно было решать, что делать? Оборонять город или бежать вслед за ними, или отходить с красноармейцами к Екатеринбург. Приказ от Уральского фронта не имел – значить, нужно вести оборону города. В этом мне помогал много тов. Грязнов, оставшийся комиссаром по моему предложению, вместо сбежавшего Вырышева. За его труды и энергию я отзываюсь с большой благодарностью: это был старый член партии, твердый правдивый большевик и хороший товарищ. Жил он в казарме с красноармейцами, с приходом его в полк я всегда имел поддержку и добрый совет. Он был именно настоящим политработником, не то, что Вырышев – тот являлся в штаб полка часа на два, а в казарму редко заходил. Грязнов, живя в казарме, неустанно проводил с красноармейцами беседы, на все вопросы их всегда давал ясные четкие ответы, и красноармейцы его уважали.

К восставшим чехам против советской власти усиленно вступали под их командование контрреволюционные силы: офицерство, казачество Сибирского и Оренбургского войска, деревенские кулаки.

Такой наскоро сколоченный отряд чехами в 150 человек из белых офицеров, под командованием чешского капитана был направлен на Шадринск, для захвата железнодорожного вокзала¹. Чехи хорошо осведомлены были офицерами города Шадринска о наличии красноармейского полка в городе, решили город брать с двух сторон: со стороны деревни Осеево и вокзала. Чешский отряд, около батальона², двигался со станции Мишкино, а не с Челябинска, как предполагало руководство уездом.

27 июня в 30 км, около деревни Мингали, произошел бой с нашей ротой мадьяр, которые задержали их продвижение к городу. В ночь перед рассветом 29 июня белогвардейский отряд захватил вокзал и занял позицию по старой канаве, между городом и вокзалом, по редкому лесу сосен, в наступление на город не шел, как видимо, ожидая подхода чешского отряда со стороны деревни Осеево, до открытия им огня по городу, но этого в их плане наступления не сбылось. Чешский отряд был задержан и потрепан основательно.

Находящийся наш караул на вокзале увидел подход вооруженных людей к вокзалу, оставил ох-

рану вокзала и срочно прибыл в штаб полка и сообщил о занятии вокзала. По боевой тревоге немедленно все красноармейцы были выведены на Хлебную площадь. Я объяснил им всю сложившуюся обстановку: боя роты мадьяр с чешским отрядом и занятие вокзала белыми, которых мы должны, не теряя минуты времени, выбить с вокзала, до подхода чешского отряда со стороны Осеевой. Занятие вокзала – это для нас была самая боевая задача: во что бы то ни стало нужно вырвать прибывший вагон с оружием 29 июня винтовок и патрон. Это требует от нас революция, дабы не дать врагу взять его в свои руки, а потом оставить город и отойти в направлении станции Богданович.

Некоторые красноармейцы на мой призыв выкрикивали: «Что мы будем воевать, когда вся власть сбежала!», и повертывались уходить. Командиры рот и взводов удерживали их и грозили, в случае побега в боевой обстановке будете расстреляны. В этом много помог т. Грязнов и его члены совета большевик Болдин и другие. Они подняли дух красноармейцев, и они беспрекословно пошли занимать указанные мною позиции. Командиром 1-го батальона был т. Усти-

нов, а ранее был первым военным комиссаром уезда, которому приказал с площади вести батальон по южным улицам города, повернуть на вокзал и двигаться цепочкой по окраинным домам между городом и лесом; подойти к кладбищу, развернуться в цепь и ожидать дальнейших моих указаний.

Сел на коня верхом и с конным связным поспешил в деревню Осееву, снять оттуда роту мадьяр и провести ее на берег реки Исеть и нести оборону на случай наступления чешского отряда. И чтобы чехи быстро не прорвались в город, приказал командиру роты немедленно зажечь мост через Исеть, они вылили бочку керосину, и ярким пламенем запыхал на солнце, как свеча. Отдал командиру все распоряжения и тем же галопом поскакал к автобронемашине, приказал двинуться через Хлебную (Флоровскую) площадь на угол городского сада в сторону вокзала и потом вывел ее на прямую улицу, идущую с вокзала в город в случае продвижения белых на перекрестке улиц с обеих пулеметов открыть огонь.

Тем же аллюром кинулся к батальону, приказал занять кладбище и за могилами, памятниками, крестами, надгробиями продвигаться лежа к окраине кладбища. Маскировка и защита получилась неплохая, зашли во фланг белым, расположенным по канаве, и ожидали, пока пулеметы не дадут огня, а услышат, то сразу открыть ураганный огонь и броситься в атаку. Сделал распоряжение и опять прибыл к бронемашине: приказываю командиру машины для лучшего обстрела площади и канавы с белыми продвинуться еще на один квартал вперед и открыть огонь. Командир меня выслушал и говорит, «что нас обстреляли с тыла по улице от города и вот у стены городского сада лежит убитый человек». Меня это крайне удивило, говорю: «Кто может стрелять, когда там за Реальным училищем на площади расположились красноармейцы Челябинского отряда до 47 человек вместе со своим военкомом?» «Не знаю, – говорит, – но нас обстреляли и пожалуй, дальше двигаться не следует!» – «Хо-

рошо, стойте на месте! А я сейчас узнаю».

И на карьере бросился туда, откуда стреляли, связной за мной, только добегаю до угла сада и Реального училища, из-за угла дома выскочили трое с винтовками наизготовку в военной форме, как и наши красноармейцы, без всяких знаков отличий и кричат: «Стой! Стрелять будем!» Я приостановил коня, не разобравшись в чем дело, кричу им: «Что вы, не знаете своего командира полка?!» Они быстро подскочили, один схватил коня за повод, двое стащили меня с седла: «А, сволочь, тебя-то нам и надо было!» Когда меня стаскивали с коня, связной понял в чем дело, и на всем скаку лошади проскочил мимо за угол сада влево, по нем двое вдогонку дали два выстрела. На сколько мне было видно, они в него не попали, и он на Хлебной площади повернул за угол сада.

Тут я только понял, что я налетел на разведку белых: сняли с меня ремень вместе с наганом и повели в направлении Бутаковской фабрики по глухим улицам, переулками на вокзал: по дороге предупредили, если броневик пойдет вас освобождать, то мы тут же вас застрелим. На это я им ничего не мог сказать, потому что с бронемашинной я никакой связи не имел, идя с ними под конвоем. Привели в расположение своей цепи, на правый фланг, к этой старой канаве. Один из них пошел доложить командиру отряда в вокзал, что со мной делать, а двое других с восторгом рассказывали, как они зашли в тыл бронемашине в центр города и захватили меня.

Я чувствовал себя морально подавленным и очень усталым, трое суток я глаз не смыкал, лег на траву и закурил папиросу: лежащие в цепи белые вскакивают один за другим, подбегают ко мне и просят папиросу: у меня в нагрудном кармане гимнастерки было полно папирос, я выбросил их на траву и думаю, возьмите, собаки, мне все равно больше не курить, и просил у них пить. Они в насмешку: «Вот скоро придет командир, и мы тебя напоим!» Пошедший доложить скоро вернулся, и повели меня опять все трое с винтовками на-

изготовку в вокзал: оттуда выходит из дверей и спускается по ступеням офицер, с капитанскими погонами³, в сопровождении военного в офицерской форме, но без погон⁴. Капитан спрашивает меня: «Кто будешь?» По выговору и обращению я понял, что это чех и отвечаю: «Командир полка Красной армии!»

Меня посадили в одну из пустых комант, в угол поставили двух часовых. На допросе я ответил им: «Командовал я, а теперь будет командовать командир батальона, и будет ли он держать оборону города, не знаю!» К вечеру белые убедились, что красноармейцы оставили город и ушли, белые строем в колонне по-четыре пошли в город, и меня сзади отряда под охраной повели с собой, со связанными руками. Привели в здание штаба моего полка, посадили в угол комнаты и поставили двух часовых. Думаю, жить осталось до темноты, раз в тюрьму не повели, значит расстреляют⁵. Попросил разрешения позвонить на квартиру к моей хозяйке Елене Исаковне Левкович, что я еще жив, в случае, меня не будет, то пусть напишет когда-нибудь моим родным. Начальник караула разрешил, я передал ей, что со мной, где я сейчас нахожусь...»

*Государственный архив
Шадринска, ф. 1038, оп. 1, д. 14, л.
270–278.: Воспоминания
Степана Ильича Вороткова.*

Примечания:

¹ Для обхода Шадринска с запада были направлены формирующийся 2-й Сибирский стрелковый полк в 210 человек под руководством штабс-капитана И.А.Мельникова и Курганский добровольческий отряд в 150 человек под командованием чешского поручика Ф.Грабчика. См.: Кручинин А.М. Изменчивое счастье войны. Очерки боевых действий на Шадринском направлении летом 1918 г. Екатеринбург, 2012. С. 14.

² Для наступления с юга на Шадринск через село Мингалевское был направлен отряд в 110 человек под руководством прапорщика И.Буковского (часть 3-й роты и пешей разведкоманды 2-го Иржи из Подебрад полка. Там же, с. 14.

³ Видимо это был штабс-капитан И.А.Мельников.

⁴ Военный в офицерской форме и без погон – это чех, поручик Ф.Грабчик. В своих воспоминаниях С.И.Воротков их перепутал.

⁵ С.И.Воротков расстрелян не был, а выпущен после содержания в лагере военнопленных. Служил в РККА. Свои воспоминания написал в 1930-х гг.

ЭТО ВЫ?..

Иозеф ШОЛЛАР

Автор этих строк чехословацкий легионер Иозеф Шоллар родился 4 марта 1893 г. в Маньовице района Страконице, призван в австро-венгерскую армию, поручик 37-го пехотного полка. Попал в русский плен 11 августа 1916 г. у местечка Езерна. 13 апреля 1918 г. вступил в легион. Старший унтер-офицер Курганского маршевого батальона. Кандидат в офицеры. 18 октября 1920 г. вернулся в Чехословакию и демобилизован.

После оставления станции Крутиха мы остановились за мостом на 37-й версте железной дороги Екатеринбург-Егоршино, где находился лесопильный завод под названием «Теплый Ключ». На охране позиции осталась 4-я рота Курганского батальона под моим командованием, так как командир роты подпоручик Заруба заболел и уехал в Екатеринбург, и одна казачья сотня. Казаки, как всегда в подобных случаях, охотно подчинялись чехословацким командирам, не обращая внимания на его чин, бывший выше или ниже, чем у их командира.

1-я полурота нашей роты несла сторожевую службу на заставах перед мостом, а 2-я полурота воспользовалась отдыхом для генеральной стирки, особенно завшивевшего белья, которое хорошо сохло на жарком августовском солнце. Выбрав свободное время и набрав воды, я расположился на просеке у железной дороги, среди остальных братьев и начал стирать свое белье. Через некоторое время, как раз в разгар стирки, к нам подошел командир казачьей сотни, плечистый сотник, узнать общую обстановку и согласовать дело о том, чтобы отдыхающая половина сотни могла поочередно расседлать коней. Спрашивая, где чехословацкий командир, он очень удивился, когда братья показали на меня со словами: «Вон там, белье стирает». Свое удивление сотник не скрывал и долго еще размышлял о том, как же мож-

но, чтобы командир, кроме забот о вверенном ему отряде, должен был и сам стирать свое белье.

В последующих днях нам на помощь приехала рота Омского маршевого чехословацкого батальона с одним офицером, без унтер-офицеров, с винтовками без патронов и без каких-либо запасов. Высланная на смену наших застав уже через два часа она начала запрашивать, когда будет смена. Через два дня приехал ротный, подпоручик Заруба и принял командование участком. Роту Омского маршевого батальона отослали в Екатеринбург, а вместо нее к нам на помощь стали подходить другие части: батарея поручика Крейчиржика, 2-я рота 2-го Иржи из Подебрад полка и несколько русских офицерских рот и новый командир участка полковник (позднее генерал) Иванов¹.

Наша рота, уже освоившаяся с окружающей болотистой местностью, предназначалась в авангард для нового наступления. Весь многочисленный штаб полковника Иванова со всеми вестовыми разместился в нашем эшелоне, в вагоне 4-го класса, который до этого служил пристанищем нашему ротному и командирам взводов, а также ординарцу ротного, добрейшему добровольцу из Вены Пепику, имя его я не могу вспомнить. Все наши командиры взводов имели завидный чин «действительного пехотинца» и звание «исполняющий должность младшего офицера», то есть кандидата в офицеры.

Курганского батальона 4 роты. 1919 г.

Так как движение вперед шло гладко, а из блиндированного поезда, где ехал взвод нашей роты, составляющий авангард всей боевой группы полковника Иванова, о неприятеле не было никаких известий, весь штаб устроился поудобнее и вел дебаты с нашим ротным о трудной местности и о возможности успешного наступления на предполагаемого неприятеля. Нас, командиров взводов, не имеющих никаких знаков различия, русские офицеры принимают за вестовых и просят поставить им самовар, причем предложенный им наш сахар, а его в России в это время был большой недостаток, совершенно не экономят.

При предыдущем отходе мы совсем незначительно разрушали железнодорожный путь и теперь восстанавливаем легко и быстро, и наш эшелон идет на небольшом расстоянии за авангардом. В 12 верстах перед станцией Крутиха полковник Иванов приказывает выгрузить батарею Крейчиржика и одновременно распоряжается, чтобы вся пехота двигалась далее пешим боевым порядком. Наш ротный, подпоручик Заруба, протестует и, ссылаясь на знание местности, которая очень трудно проходима, предлагает продолжать наступление в эшелонах, но

при готовности к бою. Чтобы подтвердить свое предложение, он предлагает самому ехать на блиндированном поезде в авангарде, а остальные части пусть движутся за ним обычным порядком. Полковник Иванов согласился с этим предложением, узнав, что при пешем движении по сибирской болотистой тайге, пехота сильно устает.

После ухода ротного полковник, желая дать какой-то новый приказ, спросил, где заместитель отсутствующего командира роты. Сидим с Мулиным и Птачником на табуретах у наших холостяцких кроватей в довольно ветхих и не очень чистых гимнастерках. На вопрос полковника я встал и, отдавая ему честь, доложил: «Я, господин полковник, не веря своим очам, какое-то время смотрел на меня широко открытыми глазами, и, наконец, выговорил: «Это Вы?...» Он не мог понять, как такой оборванец и замарашка, без знаков различия, который ставил ему самовар, может быть заместителем командира роты. Остальные офицеры его штаба были удивлены не менее и с этого момента стали обращаться к нам, взводным, только с титулом «Господин поручик» и стали обязательно спрашивать наше мнение,

как поступать в том или ином случае.

В трех верстах от станции Крутиха подпоручик Заруба просил выслать на усиление авангарда один взвод. Передаю командование над остающейся полуротой Мулину, как обычно называли кандидата в офицеры Йозефа Дворжака, и иду вперед со своим взводом. Подъезжаем на блиндированном поезде безо всяких преград к станции Крутиха, где наша полурота оставляет поезд и наступает за ним следом, в боевом порядке, развернувшись в цепь по обеим сторонам железной дороги. Станция пуста. Узнаем от нескольких рабочих, живущих в одиноких домиках, что кроме бегущего после боя 17 августа на Теплом Ключе неприятеля, на станции бывали только конные дозоры красных и станция никем не занималась.

См.: Šollar J. Eto vy...? // Cestami odboje. Jak žily a kudy tahly čs. legie. Praha, 1928. S. 275–276.

Примечание:

¹ Полковник Иванов Александр Евстафиевич, командир формируемого в Екатеринбурге 26-го Шадринского полка горных стрелков, 1877 года рождения, участник Русско-японской и Великой войны. См.: РГВА, ф. 39635, оп. 1, д. 4, л. 82.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ «СИРОТОК»

Иозеф ШТОВИЧЕК

Легионеры 4-го Прокопа Великого полка по старым гуситским традициям называли себя «сиротки», как гуситы оставшиеся сиротами после смерти своего вождя Яна Жижки из Троцнова. Автор этих воспоминаний Иозеф Штовичек, рядовой пулеметной команды 4-го Прокопа Великого стрелкового полка, был послан со 2-й ротой полка на станцию Ртищево для подготовки паровозов и их высылки в Сердобск, чтобы эшелоны 4-го полка могли немедленно отправиться в Пензу¹. За день 28 мая с помощью местных машинистов, чехословацким легионерам удалось растопить и приготовить 6 локомотивов, из которых 5 удалось отправить в Сердобск. Но в это время со стороны Саратова к станции прибыл значительный большевистский латышский отряд и перерезал чехословакам дорогу. 136 легионеров 2-й роты пытались прорваться с боем, но после первых же выстрелов из укрытий вышли ртищевские большевики и ударили чехословакам в тыл. Видя критическую ситуацию, застрелился командир 2-й роты подпоручик Ярослав Черны. По сведениям Й.Штовичека чехословаки потеряли убитыми и ранеными 40 человек, 96 попали в плен в том числе и пулеметчик И.Штовичек. По сведениям полковой истории погибли 3 человека, ранено 7 человек, 132 человека пропали без вести, в том числе попали в плен². В конце боя 30 стрелков во главе с прапорщиком Белоглавеком прорвались в сторону Сердобска и Пензы³. Пленных легионеров посадили в вагоны и отправили на запад, с намерением передать их германцам, но в Тамбове они были освобождены красными чехами на условии, что перейдут служить в

Красную армию, в Интернациональный полк. В конце июня 1918 г. около 40 человек из попавших в плен в Ртищево бежали из большевистского плена и разными путями, через Саратов, Казань и Пермь попытались вернуться в свой полк. Одними из последних были братья Штовичек и Войтех.

После ряда приключений И.Штовичек и его товарищ по несчастью брат Войтех убежали и двинулись на восток в сторону Пензы, чтобы оттуда попытаться пробраться к своим. Нелегальное путешествие двух беглецов по Советской России было очень нелегким. В Пензе, при попытке купить билеты на поезд в сторону Самары они были арестованы, но вечером начальник милиции, видимо, сочувствовавший чехословакам, освободил их. Этой же ночью они уехали на поезде до станции Инза. Прождав на станции два дня, беглецы уехали на товарном поезде и добрались до Симбирска. Так как в самом Симбирске из-за строгого контроля переправиться на восточный берег Волги было невозможно, Йозеф и Войтех два дня шли пешком на север и там с маленькой пристани сумели переправиться через Волгу. Оттуда опять пешком к железной дороге Симбирск-Уфа и вместе с беженцами и мешочниками, где пешком, а где и на поезде, они добрались до станции Чишмы.

Несколько дней мы шли только пешком и пришли на станцию Чишмы, где сходились две железных дороги – от Симбирска и Самары. Станция кишела войсками, приготавливаясь к бою против наших, которые, по слухам, наступали от Самары к Уфе. Идти прямо на Уфу по железной дороге было

Локомотивное депо ст. Ртищево.

опасно. Станции и мост через реку Белую хорошо охранялись. Мы пошли в обход по тракту на Уфу. Двигались ночами. Около полуночи мы вышли к развилке дорог, недалеко от которой оказалось брошенное поместье. На дворе горел костер, и около него было несколько фигур. Они нас заметили, и нам ничего не оставалось, как пойти прямо к ним. Мы решили спросить у них правильную дорогу. Подойдя поближе, увидели, что там сидят человек шесть вооруженных солдат и варят на костре чай. Мы решительно подошли, «по-революционному» поздоровались и спросили, какая дорога ведет на Уфу, и объяснили, что мы заблудились...

Оказалось, что это дезертиры из красных войск. На их вопрос: «Откуда вы, товарищи, идете?» — мы ответили, что мы польские беженцы и идем в Уфу на заработки. Их успокоил наш ответ, и они пригласили нас попить с ними чайку. Из разговора выяснилось, что и они идут в Уфу. Один из них сказал: «Мы с чехословаками сражались (далее последовало нецензурное выражение), сволочь паршивая. Мы чуть к ним не попали в плен!» Стало ясно, в какой ком-

пании мы оказались, и нам стало очень неудобно. Мы с Войтехом перемигнулись, и я заявил, что мы очень устали и пойдем потихонечку вперед, а они нас догонят. Когда мы свернули на нужную дорогу, мы пошли, как можно быстрее, чтобы оторваться подальше от этой компании. Ночь была теплая и тихая, но комары атаковали нас целыми стаями. К утру мы свернули в лес, чтобы отдохнуть, завернулись в шинели и улеглись в каких-то зарослях. Но спать было невозможно, над нами висели тысячи комаров.

Кое-как отдохнув, мы пошли дальше. Через Белую нас перевезли на лодке, и так мы очутились в Уфе. Задержались мы в городе недолго, так как находиться нам здесь было опасно. Множество листовок и плакатов говорили об опасности от чехословацких «врагов и бандитов, которые убивают женщин и детей». Все плакаты и листовки заканчивались призывом: «Сохраним красную Уфу!» Обстановка в городе была напряженная. Уфимские жители, мимо которых в апреле и мае проезжали на восток чехословацкие эшелоны, не очень верили этим листовкам и призывам. Шли аресты

и столкновения между жителями и красноармейцами. Мы решили скорее уходить дальше на восток, навстречу нашей уральской группе. У нас оставалось только 12 рублей, да из них брат Войтех купил здесь махорки, несмотря на мой протест, он заявил, что уже не может без курева. Как на каждой большой станции, также и в Уфе, стояли караулы, и мы решили лучше пройти пешком на ближайшую от нее маленькую станцию на востоке, где и сесть на поезд.

Недалеко от станции, на которую мы направлялись, по дороге из леса на нас выскочили трое вооруженных всадников. Воинский дозор! Нас задержали.

— Кто такие? Куда идете?

— Мы беженцы, идем искать работу.

— Покажите документы!

— Никаких не имеем.

— А почему вы в военной форме?

Нас уже хотели повести с собой, но мы начали просить, чтобы нас отпустили. Начались долгие переговоры. Я старался говорить революционными фразами и вообще произвести впечатление. Они доказывали нам, что сейчас никому нельзя верить, что весь край

Ст. Тавтиманово.

кишит шпионами, а один добавил: «Не удивляйтесь, товарищи, что мы вам не доверяем, мы окружены этими проклятыми чехословаками и может быть, что мы сами уже завтра будем где-нибудь висеть!» Ситуация была для нас печальной, и я выкладывал все свое умение, поясняя, что мы с этими проклятыми чехословаками не имеем ничего общего. Мы чувствовали, что если нас заберут с собой, смерти не миновать. Наконец, командир красного дозора сказал: «Вот что, я вас обещаю, и если ничего подозрительного нет – отпустим!» У меня в кармане была карта, по которой мы ориентировались, и уже она одна могла навести на нас подозрение. Что еще хуже, под обшлагом шинели была спрятана фотография братьев, среди которых был и я в легионерской форме. Эту фотографию я очень берег, все на ней были участниками ртищевского боя, а один из них, подпоручик Я.Черны там погиб. У меня потемнело в глазах!

Соскочив с коня красный начал нас обыскивать, но, на наше сча-

стье, он делал это поверхностно. Спросил, что у меня в карманах. С безразличным видом я вытащил несколько незначительных мелочей. На вопрос, больше ничего нет, я решительно ответил – нет! Он бегло прощупал карманы и вещмешки и когда ничего не нашел, сказал: «Ладно, идите!» Сел на коня, повернулся и поехал. «Спасибо, до свидания, товарищи!» – твердили мы, полные радости, им вслед. Кто такого не переживал, не поймет, как мы вздохнули. Отошли недалеко, свернули в лес, я достал карту и фотографию и порвал на мелкие кусочки и спрятал под мох. На душе стало легче.

Скоро мы дошли до станции⁴. Поезд должен был идти через два часа, и мы купили на остающиеся деньги два билета. Было теплое и солнечное воскресенье, около 3 часов после полудня. Из недалекой деревни доносились звуки гармоники и песни деревенской молодежи. Нам было тоскливо: в кармане ни копейки, в желудке пусто. Голод не давал покоя. Я сказал брату Войтеху, что надо

сходить в деревню и чего-нибудь выпросить поесть. Он ответил, что скорее умрет с голода, чем пойдет попрошайничать. Тогда я пошел один. Впервые в своей жизни я нищенствовал! Ходил от дома к дому, где-то меня принимали ласково, а где-то нет. Но результат получился неплохим: полные карманы хлеба и несколько пирожков. Дали и несколько копеек, на которые в одном доме я купил у «коллег» выпрошенный им хлеб. Вернулся я с победоносным видом и накормил со своих сборов голодного Войтеху и наелся сам. Понято, что мы сразу съели лучшие куски, но кое-что осталось и на следующий день.

В подошедший поезд мы влезли в скотский вагон и поехали. Конечно, за несколько рублей нас увезли недалеко. Посередине ночи мы очутились в незнакомом месте. Одновременно с нами сошли и несколько татар. Хотя мы не знали, куда они идут, мы присоединились к ним, как будто нам тоже в ту сторону. Утром мы разошлись. Вскоре мы дошли до села Ново-

троицкое⁵, а впереди были уральские леса. Здесь мы узнали, что за несколько дней перед нашим приходом жители села под руководством бывшего офицера ночью побили большевистский совет, который заседал и решал, что делать с непослушными жителями, которые отказались идти против чехословаков. Когда из Уфы прибыл карательный отряд, около 80 крестьян с их командиром ушли в лес⁶. Так как основные бои и движения большевистских отрядов происходили вдоль железной дороги, мы решили искать другую дорогу. Мы, в общем-то, знали, что на восток ведет, так называемый Сибирский тракт. Он шел вдоль железной дороги, местами на удалении от нее всего несколько километров, а вдоль тракта есть небольшие селения. Двигаясь по тракту, мы надеялись недели через две быть в Сибири.

После некоторого блуждания, мы вышли на широкую болотистую дорогу. Около нее стояло несколько лачуг, перед которыми сидели какие-то старики. Мы остановились, попить, отдохнуть и расспросить о дороге. Вдруг по дороге показался какой-то конный воинский дозор. Мы тихонько спросили у стариков, что это за воляки и чего они тут ездят? Старики объяснили нам, что после выступления новотроицких жителей, здесь пару раз в день проезжают дозоры и разыскивают этих повстанцев. Новость плохая. Нам не хотелось снова встречаться с большевистскими дозорами и попасть к ним в руки. Оставалась одна возможность: найти какую-нибудь работу и ждать прихода наших войск с какой-нибудь стороны.

Мы стали расспрашивать стариков о какой-либо работе, и один из них объяснил нам, что в одной из татарских деревень, верстах в восьми отсюда, некий господин Катькин изготавливает кирпич и строит мельницу и дом. Так как большевистский дозор уже уехал, мы немедленно пошли в указанную деревню. Старик сказал правду. Мы нашли там господина Катькина, и после разговора он принял нас на работу. На этот раз мы выдали себя за военнопленных, что было

удобно, так как здесь уже работали несколько пленных, причем двое из них оказались чехами...

Примерно через неделю, утром во время работы, мы услышали несколько орудийных выстрелов. Это могли быть наши, а позднее мы узнали, что это стрелял бронепоезд Пензенской группы. Скоро стало известно, что чехословаки заняли станцию Тавтиманово и село Новотроицкое и двигаются в сторону Урала... Понятно, с какой радостью мы это приняли. Теперь в деревне не все узнали кто мы. Некоторые смотрели на нас с уважением, но некоторые и с подозрением. Мы не доверяли своему окружению и легли спать не на обычном месте, а потихоньку залезли на чердак, а лестницу втащили за собой.

Утром рано к нашему работодателю господину Катькину из Новотроицкого приехал его отец и подтвердил вчерашнюю справку. Он рассказал, как встречали наших, а бабы угощали их молоком и белым хлебом. В 10-м часу мы попрощались со здешним человеком. Старик Катькин повез нас на своей повозке в Новотроицкое, а его сын ехал рядом. На станции Тавтиманово был небольшой дозор чехословацких legionеров, и на наши расспросы они сказали, что впереди, недалеко от станции стоит эшелон, в котором были телефонисты нашего 4-го полка. Мы бросились вперед и скоро увидели воинский эшелон. Можно представить, с каким волнением мы лезли в вагон наших «сироток»?! Удивление было всеобщим: «Ведь мы вас уже оплакали, все в полку думали, что вы среди мертвых, а вы вдруг объявились в этих лесах!»

После полуночи 28 июля мы добрались до станции Самара, где стояли эшелоны 4-го Прокопа Великого полка. Здесь же был эшелон штаба полка, а при нем вагон пулеметной роты. Спешим к нашему вагону, открываем дверь и смело лезем внутрь. Парни глянули на нас, как на чужих, и весь их вид говорил: «Что эти бродяги здесь хотят?» Ничего удивительного не было, что нас не узнали, оборванные и грязные, со впалыми и загорелыми лицами, мы действительно походили на каких-то бродяг! Но немного погодя

раздались крики: «Езусмария! Пепик! Франтик! Откуда вы взялись? Откуда пришли? Ведь мы думали, что вас уже нет на этом свете!?» Мы шли с рук на руки, и объятиям не было конца. Известие о нашем приходе, как молния, разнеслось по всему эшелону. Вопросы сыпались со всех сторон, а мы снова и снова все рассказывали...

Из всех 96 человек, попавших в плен на станции Ртищево, вернулось всего несколько братьев. Еще позднее пришел из нашей пулеметной роты брат Гошек, который на дороге еще раз побывал в большевистских рядах, но все же ушел и добрался до своих. Но слишком многие заплатили жизнью. В признание и в награду на моем левом рукаве заблестела узкая желтая ленточка, которая стала началом, но и концом моей военной карьеры в чехословацком легионе⁷.

Примечания:

¹ В 4 часа утра в Ртищево убыла 2-я рота 4-го полка под командованием прапорщика Белоглавека в 130 человек и пулеметный взвод пулеметной команды «Максим». Общее командование экспедицией осуществлял подпоручик Я.Черны. На половине пути от Сердобска к Ртищево на станции Байка была оставлена небольшая стража.

² Plesky M. Dějiny 4. střeleckeho pluku Prokopa Velikeho. 1917–1920. Turnov, 1927. S. 161–165.

³ Ibid. S. 132.

⁴ Скорее всего, legionеры Йозеф и Войтех дошли до разъезда Черниковка в 11 верстах к востоку от Уфы. А просить хлеба Йозеф ходил в деревню Черниковка.

⁵ Судя по описанию, Йозеф и Войтех доехали до станции Тавтиманово, в пяти верстах на юго-восток от которой находилось село Новотроицкое.

⁶ В ночь с 13 на 14 июня 1918 г. крестьяне-повстанцы села Новотроицкое совершили нападение на большевистский волостной совет и убили 18 человек коммунаров, в том числе председателя волосткома Рекшпрехере, комиссара А.Брома и начальника штаба боевой дружины Флинте, а также 15 дружинников (10 латышей и 8 русских). 15 июня из Уфы прибыл карательный отряд с бронепоездом, который открыл огонь по селу. Тела убитых коммунаров были похоронены на площади села. См. Тавтимановский сельсовет. История. www.sp-tavtimanovo.ru/istoriya/. Ушедшие в лес повстанцы во главе с бывшим офицером, который был латышом из Риги, дождались прихода чехословаков.

4 июля чехословаки вступили в Уфу, а 6 июля 1918 г. Пензенская и Челябинская группы legionеров соединились около станции Миньяр. Таким образом в районе станции Тавтиманово они были 5 июля.

⁷ И.Штовичек имеет в виду, что он был повышен в чин ефрейтора (свободника – чешск.), что и было началом и концом его военной карьеры.

Благодарю за помощь, в расшифровке этого символического текста своего коллегу военного историка Бернарда Пануша.

РАЗГОВОР С БОЛЬШЕВИСТСКИМ ШТАБОМ

Милош ЖАК

Автор этих воспоминаний генерал Милош Жак родился 11 июня 1891 г. в г. Брно. Окончил гимназию, два семестра философского факультета и один семестр юридического факультета. Мобилизован в 1914 г. в австро-венгерскую армию, прапорщик. Воевал на сербском, итальянском и русском фронте. Поручик. 7 июня 1917 г. перешел к русским. С 8 августа в чехословацком легионе – командир ударной роты, штабс-капитан. Участвовал в боях на Урале и в Сибири. Подполковник. В 1920 г. вернулся в Чехословакию, продолжил службу в чехословацкой армии, с 1938 г. – дивизионный генерал. Участник подпольной военной организации «Защита нации». Арестован гестапо в 1943 г. и заключен в концлагерь. Освобожден в 1945 г. Вернулся на службу, командовал армейским корпусом и военными областями. В 1948 г. арестован коммунистами и заключен в тюрьму, лишен генеральского звания и пенсии. Тяжело болел и в 1970 г. умер в Праге.

В воскресенье 14 июля, после победы у Нязепетровска, было решено, как можно скорее достигнуть станций Дружинино и Кузино и отрезать красным отход от Екатеринбурга как по тракту на Красноуфимск, так и по железной дороге на Пермь. С максимальной быстротой был отремонтирован и расчищен поврежденный железнодорожный путь. В среду 17 июля началось дальнейшее наступление, и уже вечером этого же дня чехословаки остановились перед станцией Арасланово, где неприятель снова сосредоточил свои силы. Четыре дня тому назад красное командование выслало туда из Екатеринбурга свежую, элитную часть – 6-й латышский Тукумский полк во главе с Герцбергом¹. Как позднее было выяснено, после нязепетровской катастрофы именно Герцберг был назначен командиром Западноуральского участка, и ему были подчинены остатки эстонских отрядов и оба комиссара фронта. Штаб главного командования приказал ему реорганизовать войска и отбить Нязепетровск.

Наше наступление на Арасланово было назначено на 18 июля. План маневра был точно таким

же, как и под Нязепетровском: фронтальная группа должна была сковать неприятеля демонстративным наступлением, а обхватная группа должна была ударить ему в тыл. Операция протекала с ночи и до позднего полудня и имела совершенный успех. Наша обхватная группа, которую я вел сам, уничтожила Интернациональный отряд, который старался охватить нашу фронтальную группу, но не заметил, что уже попал в нашу пасть. Мы отчетливо слышали немецкие команды, когда спешно ставили свои пулеметы. В перекрестной стрельбе катастрофа интернационалистов была полной. На фронте южнее станции неприятеля охватила паника, и он бросился в бегство. Уйти удалось только большевистскому бронепоезду, остальным силам отход был отрезан. Мало кто уцелел. Ударником 3-й ударной роты прямо перед моими глазами был поднят на штык командир Интернационального отряда, какой-то мадьярский фенрих. Как мы потом выяснили, погиб и командир 6-го латышского Тукумского полка товарищ Герцберг, а его полк был разбит².

Отступавшими красными были разрушены станционные устрой-

ства, водонапорная башня, стрелки и телеграф. Телеграфные и телефонные провода были перерезаны во многих местах, аппаратура была либо увезена, либо разбита. Железная дорога была загромождена сошедшим с рельс эшелонном. Я выставил стражу и послал на север разведку. Набежали тучи, и вид на станцию с разбитой водонапорной башней и раскуроченными вагонами был мрачным. Прочесывающие станцию стрелки доложили мне, что они нашли штабной вагон, в котором была и канцелярия командира латышского полка. На столах лежали бумаги. Просматривая эти бумаги и содержимое рабочего стола Герцберга, я нашел много пропагандистской литературы и несколько фотографий, на которых повторялось изображение какой-то девицы, и пачку писем. Эти изливы девичьего или девичьих сердец я не читал. Я видел их адресата, лежащего мертвым в высокой траве в одной версте отсюда, и мне было как-то не по себе³.

Я вышел из вагона, чтобы узнать налажена ли телефонная связь с полковником Войцеховским, но работа еще велась, и связи пока не было. От двух не ушедших с красными русскими телеграфистов я узнал, что в ближайшем Шемахинском заводе есть телеграфный аппарат, а от завода есть линия на основную красноуфимско-екатеринбургскую магистраль. Тракт, вдоль которого шла эта магистраль, пересекал железнодорожную линию всего лишь в одной версте от Арасланово. Хорошо бы соединиться с Екатеринбургом, и мы тотчас же занялись осуществлением этой идеи. Русский телеграфист был выслан вместе с нашими воинами в Шемахинский завод, чтобы демонтировать телеграфный аппарат и привезти его на станцию. Полковые связисты начали восстанавливать железнодорожную связь к месту пересечения тракта с железной дорогой.

К исходу дня 18 июля приказы были выполнены, и можно было приступать к осуществлению замысла. В разговоре с большевистским штабом Северо-Урало-Сибирского фронта мне хотелось

Балерина Елена Павлова (Елена Николаевна Павлова-Туманская).

выяснить, какими силами большевики еще могли располагать после боя у Арасланово, а для того, чтобы обмануть красный штаб, я решил, что буду выдавать себя за командира Западноуральским участком, латыша Герцберга. Чтобы русская орфография была точной, я посадил к аппарату русского железнодорожного телеграфиста, и он начал вызывать Екатеринбург. Как только штаб отозвался, я начал диктовать:

– Здесь Шемахинский завод, у аппарата командир участка товарищ Герцберг. Настоятельно прошу пригласить к аппарату товарища Берзина⁴.

Через минуту из штаба отозвался какой-то Толмачев.

– Здесь Толмачев. Кто говорит и откуда?

Я продиктовал ответ:

– Здесь командир Западноуральского участка товарищ Герцберг. Говорю из Шемахинского завода, так как станция Арасланово взята чехословаками. Прошу настоятельно товарища Берзина к аппарату. Имею важнейшее известие и вопросы!

– Товарищ Берзин быстро подойти не может. Говорите со мной. Передам ему, когда он возвратится.

Я снова продиктовал:

– Повторяю, дело так важно, что я должен говорить лично с командующим. Прошу его немедленно вызвать, дело может привести к большой катастрофе!

– Тогда пригласим товарища Берзина. Ожидайте у аппарата.

Аппарат замолчал, хотя соединение оставалось. Берзин не приходил. Я уже начинал сожалеть, что не обратил свой обман на Толмачева, и опасался, что обман раскрыт. Мой телеграфист неустанно проверял связь. Наконец-то екатеринбургский штаб отозвался.

– Здесь Екатеринбург. У аппарата Толмачев. Командующий вскоре придет. Хочу вас, товарищ, еще кое о чем спросить. Ответьте, какие глаза и волосы у Александры Васильевны?

Видимо, Толмачев засомневался и задал контрольный вопрос для удостоверения личности Герцберга! Что делать? Как ответить, если я даже не знаю, кто такая Александра Васильевна! В голове у меня мелькнула спасительная мысль, может быть это одна из девиц Герцберга, чьи письма лежали в вагоне в его рабочем столе. Я велел телеграфисту ответить, что товарищ Герцберг срочно вышел, а сам послал воина в вагон Герцберга, бегом, за содержанием левого выдвижного ящика его рабочего стола. Телеграфист отстучал:

– Товарищ Герцберг выбежал, так как чехословаки открыли огонь по заводу, и наши начали отступать.

Из Екатеринбурга пришел вопрос:

– Какая у вас ситуация?

Я продиктовал ответ:

– Ситуация очень серьезная. Чехословаки наступают большими силами. Станция Арасланово в их руках. У Шемахи фронт не удержать. У чехословаков много артиллерии и броневиков. Наши сразу бегут при их первом же натиске.

Наконец-то воин прибежал с корреспонденцией Герцберга. Я спешно ее просмотрел и по фотографиям девушки, совместно с русскими телеграфистами, сделал вывод, что она могла иметь белокурые волосы и голубые глаза. В письмах к Герцбергу стояла под-

пись Шура. Толмачев снова вызвал:

– Где латышский полк?

Я снова диктовал:

– Здесь у Шемахи, но и латыши отступают. Чехословаков много.

Немного погодя телеграфист отстучал:

– Товарищ Герцберг возвратился.

– Здесь Герцберг. Не могу удержать фронт, все отступают. Настоятельно прошу, где же товарищ Берзин?

– Здесь Толмачев. Ответьте на мой вопрос!

– Который вопрос?

– Какие глаза и волосы у Александры Васильевны?

– У нее голубые глаза и белокурые волосы.

– А скажите еще, где вы с ней напоследок виделись?

Я продиктовал, на авось:

– На станции. Но если товарища Берзина не дожидаться, возьмете ли вы, товарищ Толмачев, ответственность за все, так как удержаться в Шемахинском заводе невозможно.

На удивление ответ был таким:

– Здесь Берзин. Что угодно?

– Здесь Герцберг. Ситуация так плоха, что мы не можем держать фронт, а латыши не хотят воевать. Чехословаки наступают. Арасланово в руках противника, и теперь он наступает на Шемаху. Прошу выслать все, что имеете на подкрепление, чтобы мы смогли остановить напор противника хотя бы у Нижнесергинского завода.

– Вы же знаете, что больших сил у нас уже нет.

– Но если ничего не пошлете, фронт падет.

– Пошлю отряд 4-го Уральско-го полка с Красноуфимского направления.

– Но это будет поздно, нужно скорее.

– Из Екатеринбурга нельзя ничего выслать. Сводный батальон для вас уже на дороге в Кузино⁵. Оттуда можно выслать броневотомобиль. Обратитесь в Лысьву, если их отряд уже сформирован.

– Повторяю. Ситуация очень тяжела. Мы не выдержим.

– Приказываю вам держать фронт во что бы то ни стало!

– Здесь телеграфист. Товарищ Герцберг ушел. Чехословаки на подходе. Конец.

Мы ликовали. Я узнал все, что хотел. Большевицкий штаб ничем особым не может помочь, и мы будем воевать только с теми силами, которые стягиваются на наше направление. ...25 июля Екатеринбург был взят.

Уже в Екатеринбурге мне удалось узнать, как большевицкий штаб отреагировал на мой поддельный телеграфный разговор, и в этом мне помогла русская балерина. После 12 августа я был вынужден оставаться в Екатеринбурге из-за обострившегося ранения ноги. Екатеринбург устроил для своих защитников чехословаков театральную спектакль. Я был приглашен и, несмотря на свои болезни и раненую ногу, приехал в театр. Меня усадили с костылями в руках на первый ряд в плюшевое кресло. С одной стороны от меня сидел городской голова, с другой персидский принц Риза Кули Мирза. Мне преподнесли букет роз. Одним из номеров программы была сцена из балета – «Умиравший лебедь». Его исполнила актриса с меланхолическим выражением лица. Это была балерина Елена Павловна⁶. Танцевала она так красиво и одухотворенно, что увлекла все сердца, тем более сердца солдат. Оглушительные аплодисменты раздались в зале, а я с усилием и сжатыми зубами от боли сошел с кресла, на костылях приковылял к подиуму сцены и подал Елене букет красных роз. Новые аплодисменты обрушились в зале. Елена Павловна была тронута.

Последующие две недели, пока она не уехала в Маньчжурию, а затем в Америку, она навещала меня в госпитале и в моем вагоне, где я лежал. Читала мне свои стихи, рассказывала о своей жизни в Москве, Петрограде, о поездках в Финляндию и о жизни в Екатеринбурге. Мне пришла в голову мысль, попросить ее о помощи в поисках девушки Герцберга. Я рассказал ей о своем разговоре с

Группа офицеров Ударного батальона. В дверях вагона стоит штабс-капитан М.Жак.

большевистским штабом и объяснил свой план. Мне хотелось найти эту девушку и узнать от нее что-нибудь о жизни своего уже мертвого противника, о психологии латышского наемника на советской службе. Елена Павловна активно поддержала мою идею. Но я знал только имя и отчество девушки и то обстоятельство, что у нее голубые глаза и белокурые волосы. Удивительно, но Елена Павловна ее нашла! Хотя это было непросто, и сначала мы пошли по ложному следу.

В Екатеринбурге жила богатая семья Бибиковых, одна дочь которых была замужем за английским консулом Т.Престоном. Елена Павловна и ее мать давно дружили с семьей Бибиковых. Елена Павловна случайно узнала, что горничная английского консула исчезла почти в то время, когда большевики оставляли Екатеринбург, и ее видели вместе с другими молодыми женщинами, уезжавшими с военным большевистским эшеленом. Отец горничной с огорчением подтвердил, что дочь действительно убежала с большевиками. Но более всех был этим огорчен дядя этой горничной, железнодорожный служащий по фамилии Ладейщиков, который был социалистом-революционером и ненавидел большевиков. Разыскивая эту горничную, мы надеялись проникнуть в большевистские круги, оставшиеся в городе, но после того, как выяснилось, что она уехала, мы разочаровались.

После этого Елена Павловна рассказала Ладейщикову, с моего согласия, что мы ищем девушку латышского командира Герцберга, а она должна знать многое о латышах, сколько их, как были вооружены и какое у них настроение. Ладейщиков вдохновился этим планом и уже на следующий день при посредстве своих знакомых выяснил, где располагались латыши и где было их командование. Затем он встретился с людьми из окрестных домов и выяснил, что, действительно, две девушки часто появлялись в обществе латышских командиров. Одну из них звали Лидия Сулейманова, и она была сестрой милосердия, а позднее

была переведена в Пермский отряд, вторая имела фамилию Вяткина и была дочерью фельдшера. Затем Ладейщиков стал расспрашивать извозчиков и нашел тех, кто возил латышей с девушками на развлечения. Так он узнал, где живет Вяткина, и выяснилось, что ее звать Александра Васильевна!

Ладейщиков с милиционером привели ко мне в вагон Александру Васильевну. Елена Павловна ждала их и сначала сама поговорила с девушкой, сказав ей, чтобы она не боялась, а искренне рассказала о большевиках и что если она будет правдивой, то Елена Павловна заступится за нее перед чехословацким командиром. Насмерть перепуганная девушка расцеловала руку Елене Павловне и обещала, что ничего не утаит. Но, к сожалению, многого она не знала и ничего существенного рассказать не могла. Говорила, что Герцберг был человек еще молодой и очень веселый, что часто ее угощал и был фанатичным большевиком. Она не утаила, что трижды получала от него в подарок платья и разные украшения, но они не были отняты у буржуазии, а будто бы куплены. Кто в это мог поверить? Скорее всего, эта Шура была доверчивой влюбленной девушкой!

Провожала его на станции, и он звал ее с собой, но она боялась фронта, особенно из-за того, что в штабе его полка много пили, а потом безобразно себя вели. Ее подружка Лида Сулейманова писала ей с фронта, что не хочет там оставаться. Ее другая подружка Зиночка лежит и сегодня больная из-за всего того, что пережила на фронте. Я спросил, кто эта Зиночка? Она ответила, что она была писарем у военного комиссара Анучина, из штаба фронта и ее звать Зинаида Ивановна Суслопарова и живет она в Верх-Исетске. Вяткиной я сказал, что она может свободно идти, милиционера я отошлю, но о том, что Герцберг мертв, я не сказал. Позднее я узнал, что на другой день она исчезла из Екатеринбурга. Куда, Бог знает! Не исключено, что пошла через фронт за латышским полком. Глубину русской женской души не познаешь?!

С Еленой Павловной и приданной мне сестрой милосердия на другой день после обеда я без огласки выехал на извозчике в Верх-Исетск. Зинаиду Суслопарову мы нашли в деревянном домишке. Она сидела одетая и отдыхала. Она была маленькой и полной, а на ее лице были видны следы пережитых страданий, временами кашляла. В комнате было полно икон – это у большевистского писаря! Старушка принесла нам чай, и мы пробыли в доме всю вторую половину дня, до позднего вечера. Зинаида Ивановна много рассказывала и все откровенно. Ранее в Мировую войну она была служащей управления Западноуральской железной дороги в Екатеринбурге. Писарем в штабе была с июня. Можем предположить, что она была любовницей своего шефа, комиссара Анучина, как это было обычным явлением в большевистских штабах.

Выяснилось, что когда Нязепетровск был нами взят и большевики разбиты, только меньшая часть отступала на север, часть просто разбежалась, а часть бежала по тракту на Верхний Уфалей. С этой частью, преследуемой нашими казаками, бежал командир эстонских большевистских отрядов и одновременно командир Западноуральского участка Пальвадре. Часть этих беглецов, особенно те, которые задержались при отходе, была включена в состав Восточноуральского участка комиссара Вайняна, ведущей бои против нашей Къштымской группы Чилы. Пальвадре не ждал своих людей охваченных страхом, а приказал, чтобы ему выделили локомотив с вагоном и вопреки воле комиссара Вайняна уехал на нем в Екатеринбург. Вайнян телеграфировал в Екатеринбург, что Пальвадре, без его разрешения, на его боевом участке отдавал приказы железнодорожникам, а люди Пальвадре подняли панику в Уфалее.

Когда Пальвадре прибыл в Екатеринбург, то на станции его ожидали комиссар Анучин и помощник начальника штаба большевистского фронта Оглоблин.

Посадив Пальвадре на автомашину, его отвезли в штаб фронта. Что было решено на этом чрезвычайном заседании, Зинаида Ивановна не знала. Она узнала только, что Пальвадре получил приказ, тотчас же вернуться через Кузино на фронт и в Екатеринбурге не смел задерживаться, что он был отстранен от командования Западноуральским участком и подчинен Герцбергу. Анучин ругал Пальвадре и укорял его в трусости, отговорках и болтовне.

В этот же день, вечером 15 июля, комиссар Анучин направился на заседание Уральского областного совета. Заседание было очень нервным и длинным, так как Анучин утром следующего дня жаловался Зинаиде Ивановне, что он совсем не выспался и пошел вздремнуть на диван в свободной комнате штаба. На утреннее заседание Анучин не пошел, а после обеда диктовал Зинаиде Ивановне приказ, который был потом подписан Берзиным, в нем приказывалось усилить охрану верхисетской плотины, так как Облсовет открыл в Екатеринбурге белогвардейский заговор, который будто бы хотел взорвать эту плотину и затопить весь город. Анучин недолюбливал некоторых комиссаров Облсовета и, особенно, чувствовал отвращение к Белобородову и имел привычку в узком кругу, время от времени, презрительно о нем отзываться. О приказе, который только что диктовал, выразился: «чепуха».

На второй день, перед обедом, около 11 часов в канцелярии произошла очень острая сцена между Берзиным⁷ и Белобородовым, то есть между командующим фронтом и председателем Облсовета. Зинаида Ивановна и другая машинистка Римма Юровская, которые сидели в этот момент за своими письменными столами, в соседней канцелярии, перестали писать и прислушались. С Берзиным был и комиссар Анучин, который Берзину немного поддакивал. Белобородов и Берзин очень кричали друг на друга. «Детей нужно было пощадить!» – кричал Берзин. «Этого никто не разрешал. Это нам только повредит!» Сцена была очень рез-

кой: Берзин назвал Белобородова идиотом, детоубийцей и трусом. И чтобы мы с Еленой Павловной лучше поняли, рассказала то, о чем ей Анучин говорил вечером этого же дня.

Он сказал ей, что на заседании Областного совета было решено, что царь должен быть застрелен, иначе его могли освободить чехословаки или казаки. Сначала в Совете шло обсуждение известий, принесенных Анучиным о поражении Пальвадре и о взятии чехословаками Нязепетровска. В Совете господствовало подавленное настроение. Комиссар Голощекин предложил покончить с царем, иначе его захватят чехословаки или казаки, которые окружают город, и подготовили в городе восстание. Если царь будет освобожден, то достаточно большая часть неосознательного русского народа пойдет за ним, и контрреволюция легко победит и советам наступит конец. Москва такого же мнения. Его предложение было принято голосованием, а о семье не было речи.

Из дальнейшего рассказа Зинаиды Ивановны следовало, что вечером 18 июля в штабе фронта поднялась большая паника, точную причину которой она не знала, но запомнила, что паника поднялась вечером: по канцеляриям бегали взволнованные работники штаба, и она должна была много писать. Все, что она писала, было связано с эвакуацией Екатеринбурга и переездом штаба фронта в Кушву. Анучин сказал ей, что пришли очень плохие вести с фронта, и что завтра, или послезавтра штаб переедет в Кушву. Сказал, чтобы она приготовила вещи. На следующий день, с утра в штабе начались спешные сборы. Документы складывали в ящики, выносили и грузили на грузовики.

Это было очевидным следствием моего поддельного телеграфного разговора из Арасланова.

Примечания:

¹ В полдень 13 июля из Екатеринбурга на Западноуральскую дорогу для усиления войск Западноуральского участка был направлен Торошинский латышский полк под командованием Карла Герцберга. Торошинский полк был сформирован на базе

6-го Тукумского латышского полка в марте-апреле 1918 г. на демаркационной линии под Псковом, поэтому он иногда назывался 6-м Тукумским полком. См. Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и в Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 г. Екатеринбург, 2005. С. 13.

² См. Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга... С. 19.

³ Лысьвенские краеведы считают, что тело К.К.Герцберга было привезено после боя в Лысьву, где и было похоронено. См. Путеводитель по историческим местам Лысьвенского городского округа. Пермь, 2016. С. 37.

Не совсем понятно, как тело К.К.Герцберга могли вывести с поля боя, когда ст. Арасланово была занята чехословаками. Разве, что тайно?

⁴ Судя по тексту, разговор штабскапитана М.Жака с большевистским штабом состоялся вечером 18 июля. Чешское командование не знало, что еще 12 июля командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И.Берзин уехал в Пермь для проверки тыловой базы фронта, поэтому М.Жак добивался разговора с Р.И.Берзиным. Вместо него командование фронтом осуществлялось коллегией из помощника командующего С.М.Белицкого и комиссара Н.Г.Толмачева. 16 июля, по согласованию с руководством Уральского областного совета, Р.И.Берзин уехал в Петроград, чтобы лично просить центральное руководство об усилении фронта на Урале, куда и прибыл 18 июля. Узнав об оставлении фронта в такой тревожный момент, нарком Л.Д.Троцкий отстранил Р.И.Берзина от командования. Командующим фронтом был назначен бывший генерал Д.Н.Надеждин, но он не получил приказа и не прибыл, так что до 19 июля фронтом продолжали руководить С.М.Белицкий и Н.Г.Толмачев. 19 июля в Екатеринбург прибыл и вошел в состав коллегии комиссар И.Т.Смилга. См. Кручинин А. М. Белый Екатеринбург. 1918–1919 гг. Армия и власть. Екатеринбург, 2018. С. 16, 26–27.

Таким образом, вполне возможно, что Н.Г.Толмачев не желая раскрывать перед К.К.Герцбергом отсутствие Р.И.Берзина, пригласил к прямому проводу С.М.Белицкого, который представился Р.И.Берзиным.

⁵ Из Екатеринбурга готовился выехать в сторону Кузино Образцовый коммунистический батальон Уралобкома, который отправился на следующий день 19 июля. См. Кручинин А. М. Падение красного Екатеринбурга... С. 20.

⁶ М.Жак имел ввиду русскую балерину Елену Николаевну Павлову-Туманскую (1897–1941), которая летом 1918 г. находилась в Екатеринбурге, но затем уехала в Харбин и Шанхай, а в 1920 г. в Японию. Е.Н.Павлова осталась жить и работать в Японии, где основала первую японскую балетную школу. В 1937 г. она приняла японское гражданство и имя Эрико Кирисима. Умерла от болезни в 1941 г. в Нанкине во время гастролей.

⁷ М.Жак вновь вводит в свое повествование Р.И.Берзина, хотя 17 июля, когда происходила сцена скандала между А.П.Белобородовым и Р.И.Берзиным последнего не было в Екатеринбурге, а он ехал в Петроград и находился в этот день в Вологде. Трудно сказать, кто из руководителей Северо-Урало-Сибирского фронта имел такой авторитет, кроме Р.И.Берзина, что осмелился кричать на председателя Уральского областного совета А.П.Белобородова? Это остается загадкой.

СОЮЗНИКИ УЖЕ ИДУТ

Вацлав МЕДРШИЦКИ

Автор этих строк легионер Вацлав Медршицки, 1881 года рождения, уроженец Сватбина, района Чешский Брод. Мобилизован в австро-венгерскую армию и находился сначала в 10-м ландверном, затем в 12-м ландверном пехотном полку. 26 мая 1915 г. попал в русский плен под Перемышлем. Находился в плену в Екатеринбурге, откуда 12 октября 1918 г. вступил в 1-й запасной полк. Переведен в 1-й артиллерийский полк 1-й чехословацкой дивизии. Вернулся в Чехословакию 31 декабря 1919 г., демобилизован.

В конце декабря 18-го года покрытый инеем и увешанный ледяными сосульками локомотив притащил на станцию Раевка вагоны, нагруженные блестящими пушками, упряжными мулами и французскими солдатами¹. Трескучий мороз не давал высунуть носа, и французские солдаты в овчинных тулупах до пят не снимали их даже при выгрузке пушек и мулов. Бедные животные с промерзшими ногами выкатывались из вагонов и, дрожа всем телом, падали на сыпучий промерзший снег. После долгой суеты мулы были запряжены по четыре пары в орудийные упряжки и после битвы и рева стали сдвигать пушки. У вокзала, где снег был все же утоптан, орудийные колеса со скрипом вращались на сыпучем

снегу, но уже за вокзалом стало совсем плохо. Колеса зарылись в снег по самые оси, не помогли ни брань, ни битье. Только с помощью десятков людей и с великими усилиями пушки были вытащены из снега обратно к вокзалу. Какое-то время спустя все снова было погружено на платформы и в вагоны, а к вечеру давно нам обещанная помощь уехала обратно.

Наша 1-я легкая артбатарея «Яна Жижки» вместе с Чешско-русским полком осталась в одиночестве посреди этой заснеженной русской равнины, где отбивалась от атак большевистских войск.

За деревней мы готовим позицию и вырубаем топорами ямки в мерзлой земле для орудийных хоботов² и готовимся к стрельбе. На противоположном склоне объявляется неприятель. Открываем огонь из шести орудий. Снаряды летят через деревню, над соломенными крышами домов, занесенных снегом и как бы сжимающихся от страха при свисте. При громе орудий наш командир капитан Сполатбог³ командует: «Вперед!», и с одним орудием сумасшедшим галопом мчится за бегущими красноармейцами. Те бросают все лишнее и даже шинели, чтобы только убежать и сохранить жизнь. Наконец, капитан возвращается. Мы все-таки вынуждены оставить свои позиции и отступать, так как неприятель идет в обход. Через несколько километров опять гремят наши

Станция Раевка.

Раевка.—Раевка. № 5.
Церковь у станции.

Церковь у станции Раевка.

орудия, но недолго, противник внезапно атакует. Благодаря нашим сильным и ухоженным коням, которым не препятствие и сугробы, мы доезжаем до Уфы.

Город находится на горе, и свои орудия мы установили на площади, откуда далекий и хороший обзор. В минуты затишья мы собираем повозки для грузов. Набрали 60 коней с санями и возчиками. Вечером мы оставляем город, так как была опасность, что неприятель перережет железную дорогу и воспретит нам отход. Едем один за другим с крутой горы. Сани иногда скользят боком и опрокидываются, содержимое рассыпается, мы его снова складываем, движение идет медленно. Многие русские возчики бросили нас, и мы сами правим санями. Кони часто падают и остаются в добычу воронам, летящим за нами стаями.

Звездная ночь, скрип орудийных колес и шум саней. Мы, закутанные в полушубки, с валенками на ногах, правим каждый несколькими санями. Каждую минуту надо протирать глаза, так как от дыхания на ресницы садится иней, и они слипаются при

моргани. Около полуночи въезжаем в какое-то селение и остаемся на отдых. Упряжные кони размещены в сараях, а остальные, кому нет места, остаются на улицах, где их кормят. Разбуженные жители ставят нам чай. Рождественский сочельник⁴, вспоминаем своих близких, и хотя они за несколько тысяч километров, думаем, что мы с ними. Блаженные чувства оборваны орудийным выстрелом, долетевшим откуда-то от Уфы. Напоминаем командиру Чешскорусского полка: «Почему не запрягаете?» Наконец, наш командир приказывает: «Запрягай!» Затакал пулемет в конце селения, а орудийные выстрелы разрушают святость ночи. Наши парни напевают «Где мой дом» и готовятся к отъезду. Песня умолкла, успокоив душу, надо ехать дальше в неизвестное.

Но куда? Дороги нигде не видно, все сровнял снег. Русский мужик, нанятый, как знаток края — наш проводник. Как змея извивается наша колонна, под гром орудий и рокот выстрелов. Кони, как будто чувствуя наши печали, бегут один за другим, но некоторых часто при-

ходится ставить на ноги, а если это не удастся, то ящики и имущество перекалдывают на другие сани. Наконец-то вдали какие-то огни, и скоро стало ясно, что это станция. С левого фланга встречаемся с казачьим разъездом, а на станции стоит свежая колчаковская дивизия, еще не вступавшая в бой⁵.

*Medřický V. Sojuzníci již jdou
// Cestami odboje
(Jak žily a kudy tahly čs. legie).
D. IV. Praha, 1928. S. 358–359/*

Примечания:

¹ Это была французская колониальная батарея, в которой офицеры были французами, а солдаты из Сенегала.

² Хобот — это задняя часть орудийного лафета, упирающегося в землю при стрельбе.

³ Русский офицер, капитан Евгений Николаевич Сполатбог, 1884 года рождения, из потомственных дворян Черниговской губернии, выпускник Константиновского артиллерийского училища, участник Великой войны. В Гражданской войне на Восточном фронте — полковник. В эмиграции в Китае. Умер в 1933 г. в Мукдене.

⁴ Уфа была оставлена белыми войсками в ночь с 30 на 31 декабря 1918 г. См. РГВА, ф. 39629, оп. 1, д. 17, л. 12–13.

⁵ Это были 45-й Сибирский и 47-й Тагильский полки 12-й Уральской дивизии полковника Р.К.Бангерского. См. РГВА, ф. 39629, оп. 1, д. 2, л. 1–7.

РАССКАЗЫ КРАСНОГО РАЗВЕДЧИКА

П.В.НИКОНОВ

А полк тогда стоял в заставах (октябрь 1918). С квартиры вечером Анчутина вызывают в штаб полка. Вызвался пойти с ним и я. Мне хотелось узнать, кто сменяет Гришу Жукова. В штабе Черных рассказал нам, что противник нас активно преследует и нам надо узнать его движение. Для этого, говорит, вам задача, достать «язык», да язык из военных. Сказал, что вероятное движение надо ожидать из Салды по тракту на Благодать через рудник Колчедан и на Верхнюю Туру по тракту через Александровские печи. Сначала нам дал задание съездить на Колчедан, там, по словам местного отряда, была застава. Тут я увидел нового начхоза Мухина, он принял от Жукова. Без «языка» нам возвращаться не велено было. Убивать пленных тоже не велел Черных, и помню еще, он сказал, что расстреляю в первую очередь вас за такие штуки, как допустили в Синячихе. Видимо, он узнал наши проделки через бригаду.

Мы отправились с утра – возжаки двое были местные – расстояние 14 км. Подъехали к руднику – никого нет. Была застава, но снялась до нашего приезда. Немного окопов возле тракта, банки из-под консервов. Шахты не работают. Домов штук пять, в лесу прудок небольшой. В домах жителей нет, но дома жилые, ходят 3–4 коровы. Спросить не у кого. Постояли, посоветовались и решили ехать по тракту в направлении Салды. Только приняли решение – дозор доносит, что по тракту из Салды едет обоз, верховой в гражданской одежде. Анчутин отдал приказ – спешиться – коней спрятать в лесу и ждать обоз. Обоз вскоре показался. Там со стороны Салды к пруду редкий березнячок, даль-

ше болото с релками, а на релках вересовник, здоровые кусты. Дорога канавлена, верховой в казацком седле. Выехав к плотинке, услышал ржание наших коней и быстро заворотил свою лошадь и остановил обоз.

Мы тотчас сели на коней и к ним. Подводы сбились в кучу – мужики с подвод в лес. Дорогу загродили. Верховой хотел в сторону, но лошадь не скачет через канаву. Стрелять Анучин никому не велел, покуда не возьмем пленного. Он соскочил с лошади и в лес, в кусты вересовника. Анчутин через канаву на лошади за ним. У меня лошадевка тоже не скачет через канаву, я оставил ее на дороге, вместе с лошадью белого и за Анчутиным. Никандрыч потерял его из вида и кричит: «Он здесь где-то!» Я иду пеший, осторожно, и увидел его в кусту, недалеко от Анчутина. Он в руках держал наган и следил за Никандрычем, а меня не видит. Анчутин остановился и снимает с плеча карабинку, а противник поднимает руку с наганом на него. Я выстрелил из карабина, целился в руку, а попал в плечо. Он выпустил наган, тут мы его и взяли. По документам оказался интендантский офицер. Только тогда я сменил свой большой Смит на военный наган от этого офицера. Остальные ребята под руководством Екимушки и Прошки объехали обоз и далее по тракту вели перестрелку с кем-то.

Когда пять лошадей обоза с целыми телегами и более сытыми лошадьми направили в сторону Верхней Туры – положили на одну из телег раненого, которому сделали перевязку. Тогда Анчутин снял и остальных ребят, которые в кого-то стреляли по тракту. Оказалось, что этот интендант-

Командный состав Камышловского полка. Слева стоит командир полка Черных.

ский чиновник вел обоз на Колчедан с тем, чтобы выгрузить что имеется в склады рудника, а за обозом шла рота пехоты для его прикрытия, и потом остаться в заставе тут же – вояки, как мы. Пехота шла за обозом, а двигаются в сторону противника. Эта уверенность, видимо, у них была, потому что от местных отрядов никакого сопротивления на руднике в прошлом не имели.

К лошадям обоза, который мы повели в Верхнюю Туру, из леса прибежали три хозяина подвод и поехали в «плен» к нам. Через 5–6 км наш раненый умер на телеге. Струсил мы. Черных не поверит, что при таких условиях умер и может расправиться с нами по своему. Повезли мы его до заставы, километров за ... от Верхней Туры и тут оставили. Командир этой заставы, не помню его фамилию, и похоронил его в лесу. Явились мы в Верхнюю Туру поздно.

Приехали всей командой к штабу и вызвали Черных на улицу. Тут при всей команде рассказали, как было дело, передали документы этого офицера и потом Черных расспрашивал подводчиков, что делается в Салде. Так все сошло благополучно.

Снегу не было, и вскоре после этого ездили тоже в разведку с задачей прогнать заставу с Александровских углевыжигательных печей (за 25 верст). Дорога лесом, грязь невероятная. У нас в команде появился ручной пулемет Льюис. К тому времени заставу сбили. Глава заставы был верхнетуринский мастер углежжения на этих печах, квартиру его зажег кто-то. Тут заставка оставила свой обоз шесть телег. Мы на пять возов погрузили съестные припасы со складов, свечи, мыло, валенки и т.д., воз имущества связи, телефон, кабель полевой и т.д.

А Прошка Упоров привез в седле племянницу этого мастера, девку годов восемнадцати. Мы всю дорогу смеялись, он сам здоровый, конь у него как у Ильи Муромца был. «Языком» с этой поездки мы увезли вот эту девку, и добровольно сам приехал с нами один из военнопленных австрийцев – работающий на печях. На этих печах мы Алексе Шаньгину достали коня, гнеденького меринка-иноходца, от мастера.

В этот день выпала первая слепиша. Бой под Лаей я помню хорошо еще и потому, что тут у меня сдох серый жеребец, на котором я выехал из Ирбитского, и тут же мы ездили в разведку узнать нет ли застав в двух близлежащих от Лаи скитах (там скитов много). Запомнился еще смешной случай. Кангелари выбыл из полка в Тагиле. Его ординарец Бушланов – матрос из деревни, на ло-

шадя Кангелари прибыл к нам в разведку.

Когда подъехали к первому скиту, там оказались одни женщины, среди них молодая. Они вынесли квасу. Бушланов остался у них незаметно для нас. Когда мы подъехали километра через 2–3 к другому скиту, то нам, там тоже женщины, сказали, что у них только что был разъезд белых. Тут Анчутин хватился, что у нас нет Бушланова, и послал за ним командира отделения Е. Коростелева. Екимушко застал Бушланова с той молодой монашкой у нее в комнате – шуры-муры разводят.

На другой день после этого у меня сдох жеребец. Анчутин Бушланова за эту провинку ссадил с лошади и послал в обоз, а лошадь его отдал мне.

Командовал полком Швельнис – помощником у него Некрасов. Снег, холодно. Штаб тыловой в деревне Сосновках, километров за семь от Выи. Оперативный штаб в Александровском заводе, в домах недалеко от тюрьмы. Хозчасть на колесах, в вагонах. Туда же впоследствии и перешел Швельнис. Пехота располагалась в Александровском поселке, в вагонах и в домиках на станции. Нас послали в разведку, потому что с противником еще соприкосновения не имели. Эвакуированные верхотурцы в Кушве, перед нашим отправлением на Выю говорили, что мы эвакуировались благополучно. Нас не беспокоили. У нас в разведке было семь человек местных ребят еще из Верхней Туры, они место знали. За 15 верст от станции Выя, трактом на Верхотурье мы наткнулись у полевых ворот перед какой-то деревушкой на заставу. Спешились, завели перестрелку и узнали, что это именно заставка, человек 10–15, но заставка с боевыми винтовками и в заставе три верховых лошади с армейскими седлами. Значит, это заставка уже от армейцев, а не просто от местных мужиков, те обычно ведь с дробовиками.

После перестрелки мы убежали с шумом к отведенным коням и с шумом же погнались обратно. Дорога лесом-трусобой. Километров

через пять первое отделение спешилось и засело в стороне в лес, за поворотом дороги. Остальная команда спешилась дальше за два километра, коней далее в тыл – в сторону и ждем. Так мы делали часто. Вызовем за собой погоню и ждем ее в ловушку. Удалось и на этот раз. Мы увидели, едут осторожно на пяти лошадях с винтовками, кто в штатской, а кто и в военной одежде. По приказанию Анчутина первая засада должна была пропускать противника, если он осторожно поедет далее наших следов в сторону. Но ехали опытные, видимо, ребята. Как только передний увидел наши следы на снегу в сторону, он тотчас же воротился, мы дали залп, кого-то ранили, но никого не взяли в плен и не убили. По железной дороге ходила пешая разведка, говорили, что тоже видели заставу и только.

На этом успокоился Швельнис. Держали заставы. Заставы грелись, половину в избушках железнодорожных, или у огня. И рано утром заставка доносит, что противник наступает по тракту. Швельнис повел сам лично батальон 3-й, просекой снегом, чтобы ударить во фланг наступающему – со Швельнисом от разведки был я с 1-м отделением. Просекой снегом глубоким шли с километр-полтора, зашли в сопки и рано открыли огонь, не пропустили противника и он, конечно, перестроился, и перестрелка завязалась лоб в лоб. Швельнис потребовал подкрепление, приказал Некрасову послать к нам еще две роты. С приказом я послал Лейка. Подкрепление не знаю, кто вел, оно, не дойдя до нас, открыло огонь во фланг нам же. Швельнис послал узнать, что за чепуха?!

Я должен был поехать обратно нашей дорогой и потом уже к этим двум ротам – «нашей подмоге» с тылу, чтоб к ним захватить, а то ведь убьют, а глубоко снег, лесом, лошадь идет только шагом. Стал я подъезжать к нашим стрелкам, слышу уже: «Ура», кричат, там, где я оставил Швельниса, от этой нашей поддержки двух рот, мне попал Гаврил Коростелев – бежит и кричит, что наши отступают. В это время открылась стрельба и на

линии железной дороги. Возвращаясь, я уже увидел, Швельниса ведут раненого, а батальон в беспорядке идет лесом на переезд. У переезда Некрасов отбил которые наступали по линии. Швельниса увели в вагон, а я уехал к Анчутину со своим отделением. Роты, которые ходили, вымокли, их Некрасов разместил в дома, а кто не ходили, остались в заставах.

Но противник не ушел совсем от Выи. Ему далеко надо уходить в теплые места, поэтому он через два-три часа послал небольшой кулак в обход со стороны Кушвы и, шутя, заняли наши составы хозчасти – убежали наши и со станции и переезда. Когда поднялась стрельба у вагонов, да еще в тылу раздалось: «Ура!», ну все, конечно, бежать. Швельнис не мог сам пойти из вагона, а вынести его некому было. Некрасов, приняв командование полком, растерялся, я как сейчас помню, гоняет на розвальнях каких-то, в своей борчатке и бобровой шапке. Ординарец Швельниса выбежал и говорит, что когда я сказал ему, что белые взяли станцию, он вынул браунинг и выстрелил себе в ухо. На Вые в вагонах остались в плену: Плишкин В.И., Станов Иван, кажется, и еще кто-то, все они благополучно вернулись в Ирбитский. Вот так погиб комсомолец Швельнис, немного времени командовавший 1-м Камышловским полком. Полк под его командованием брал два раза Кынзавод. После боя на Вые мы в Кушву более не заходили уже.

*ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 207:
Воспоминания участников
Гражданской войны.
1-й Камышловский полк.
С. 75–84.*

ЖИЗНЬ УРАЛЬСКОГО ЗАВОДА В ТЫЛУ У КРАСНОГО ФРОНТА В 1918 г.

Владимир ВОРОБЬЕВ

Заметки члена исполкома Уральского областного совета и редактора газеты «Уральский рабочий» Владимира Александровича Воробьева, который по поручению редакции и политического отдела штаба 3-й красной армии поехал осенью 1918 года, чтобы ознакомиться с постановкой политической работы на фронте. Объезжая фронт кунгурского направления, В.А.Воробьев добрался до штаба бригады Н.Д.Томина и от него в составе следственной комиссии отправился в Молебский завод, который в своих заметках он называет, в целях секретности, М-им заводом. Заметки не публиковались и хранятся в рукописи (ЦДООСО, ф. 41, оп. 2, д. 70, л. л. 13–16.)

По фронту Гражданской войны. В М-ом заводе.

...М-ий завод раскинулся на склонах двух безлесных гор на левом берегу реки С.¹, при впадении в нее небольшой горной речушки. Речка эта запружена, как раз посередине завода, и делит на две почти равные части... Подле самой плотины стоит неуклюжее здание полуразрушенной домны и несколько заводских построек. Завод когда-то плавил чугуны, но вот уже около 20 лет, как он заброшен. В заводе всего около 600 дворов². Жители частью занимаются земледелием, частью работают по сплаву леса по р. С. М-ий завод, несмотря на свою оторванность от внешнего мира, несмотря на то, что он находится в стороне от железной дороги и от больших трактовых дорог, в дни гражданской войны пережил очень много.

В конце июля, когда наши отступали с Западно-Уральской дороги, через Кузино на главную линию, со ст. Шаля в М-ий завод были посланы для закупки хлеба 4 красноармейца. Когда они зашли в помещение местного исполкома, состоящего тогда из представителей кулацких элементов, они подверглись предательскому нападению. Один из них был убит, трем удалось спастись. Для про-

изводства следствия об этом убийстве был послан стоявший в Шале Эстонский отряд. Эстонцы довольно своеобразно выполнили данную им задачу. Прибыв в М-ий завод, они назвались чехами. Местный совет встретил их с распростертыми объятиями. Эстонцев накормили, напоили и старались оказать им всякое внимание. Председатель исполкома просил командира отряда т. Сорксетя³ дать им оружие и ручался, что через несколько дней наберет по волости несколько тысяч солдат-добровольцев. Когда эстонцам надоело ломать эту комедию, – они создали митинг и открыли на нем, кто они и зачем посланы. Собравшиеся на митинг разбежались, а эстонцы для вящего вразумления бросили им вдогонку несколько ручных гранат. При таком обороте дела гостеприимный исполком скрылся в окрестных лесах. Эстонцы, или как их называли здесь после – карательный отряд, наложили на население контрибуцию лошадыми и хлебом и, уходя, взяли с собой 6 человек заложников из среды тех, которые при их приходе проявлял особенную радость и были с ними особенно ласковы. Население было терроризировано эстонцами. Не удивительно поэтому, что по заводу разнесся слух, что скоро должны придти красноармейцы и выжечь все селение дотла.

Молебский завод.

Исполком так и не приступал к работе, населению же было не до того, чтобы заботиться о его восстановлении. Такое положение не могло быть терпимо, поэтому в завод через несколько дней был послан для восстановления порядка сформированный в Екатеринбурге батальон коммунистов. Местные жители заранее узнали, что к ним идут красноармейцы, и когда батальон вступил в завод – он нашел селение совершенно пустым. Улицы были пустынные, дома словно вымерли. После долгих поисков командиру батальона удалось разыскать одного старика. От него узнали, что жители все убежали в лес и что на С⁴. дороге находится «народ с винтовками». Действительно, поднявшись на гору, с которой дорога, выйдя из М-го завода, спускается в С., наши товарищи увидели человек 50 вооруженных крестьян, которые при их приближении разбежались в разные стороны, не сделав ни одного выстрела. Когда товарищи разместились по квартирам, они нашли еще несколько стариков, которых и отправили парламентариями к бежавшим в лес сказать им, что отряд пришел не для того, чтобы жечь завод, а для того, чтобы помочь бедноте установить революционный порядок. Один за другим стали собираться беглецы из леса. Но коммунистам так и не удалось восстановить здесь рево-

люционного порядка. Их отозвали, и уже по их уходу в М-ском заводе организовался новый совет, и была открыта запись добровольцев в Красную армию.

С тех пор прошло месяца два. Наш отход по Кунгурской линии имел неизбежным последствием очищение М-го завода. Стоявшая там рота Кунгурского полка⁵ ушла отсюда. Вместе с ней эвакуировался и исполком. Некоторое время там не было власти. Спустя несколько дней жители из тех, кто позажиточнее, собрались на сход и создали примитивное управление волостью: был выбран старшина, староста, организована охрана, которую вооружили, чем попало. Приезжали в завод несколько раз казаки, но, против обыкновения, вели себя довольно мирно⁶. Новая власть также себя ничем не проявляла: исполком работал здесь сравнительно короткое время и еще не успел нажить себе врагов, кроме того немногочисленные советские работники – некого было преследовать. Новая власть недолго просуществовала. Прошла какая-нибудь неделя, началось наше наступление,⁷ и к М-скому заводу подошел Б-ский отряд⁸. Дело белогвардейцев было проиграно, но они все же оказали сопротивление при занятии красными войсками М-ского завода. Когда 26 сентября передо-

вые части красных показались на дороге, которая ведет в С-ий зав., белогвардейская охрана сделала несколько беспорядочных выстрелов и стала разбегаться. Встреченные выстрелами солдаты Б-го отряда открыли по убежавшим «охранникам» стрельбу из винтовок и кроме того выпустили по заводу два снаряда из трехдюймовки. Начавшаяся стрельба вызвала панику среди населения. Жители, как и раньше, бросились в лес, и М-ский завод снова опустел. Между тем Б-ий отряд, не встречая больше сопротивления, вошел в селение. Законы военного времени суровы, они запрещают мирному населению покидать свои дома при приближении красных войск. Принадлежность к белогвардейцам каждого отдельного человека определяется здесь, в полосе военных действий тем, – остался он дома при приближении красных или ушел из него. Революционная армия не знает пощады по отношению к тем, которые уходят с белогвардейцами. В М-ском заводе почти все дома оказались пустыми – немногие нашли в себе мужество остаться после стрельбы дома. Неудивительно, что у красноармейцев, встреченных выстрелами, создалось такое впечатление, что почти все обитатели завода были против них и после неудачного сопротивления ушли вслед за белой армией. Они решили достойным

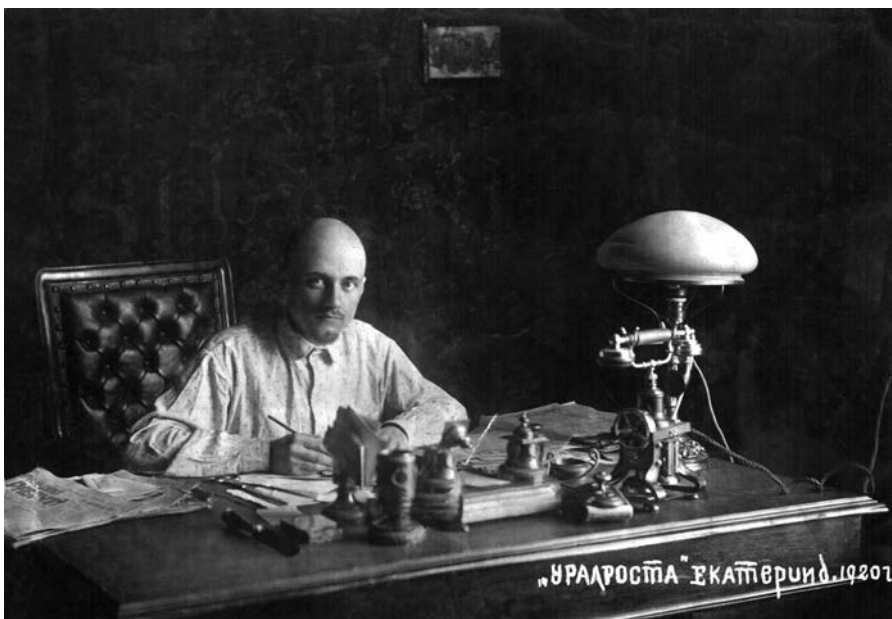
образом «наказать» м-цев и восстановить здесь должный порядок.

Позорное дело

Улицы были тихи и пустынные, когда мы приехали в М-ский завод – жители частью были еще в бегах (Б-ский отряд только вчера ушел отсюда), частью работали в поле, убирая оставшийся в снопах хлеб. Только в одной части селения было заметно некоторое движение – там, где были расквартированы солдаты Н-го полка и казачья сотня. На одной из улочек дымилась походная кухня. Все необходимые нам сведения мы получили от случайно встреченного на улице члена исполкома. Местный исполком вернулся сюда незадолго до нас. Свое старое помещение он нашел совершенно разгромленным и пока не имел определенного пристанища. Не теряя времени, мы приступили к производству следствия...

К сожалению, сейчас я лишен возможности опубликовать собранные мною в М-ском заводе и переданные после в дивизионную следственную комиссию, так как следствие по этому делу еще далеко не закончено. Беспристрастный судья в свое время скажет свое слово о красноармейцах Б-ского отряда, восстанавливавших «порядок» в М-ском заводе. По законам гражданской войны имущество лица, оказавшего вооруженное сопротивление красным войскам, подлежит конфискации. Эту кару по отношению к м-цам и применили солдаты Б-ского отряда, но провели ее без системы, явочным порядком, без суда и следствия. К категории белогвардейской собственности были отнесены Б-цами⁹ и припасы в лавке Общества потребителей, и суммы Кредитного товарищества, лежавшие в несгораемом шкафу, и деньги местной единовременной церкви¹⁰.

Среди Б-цев оказалось слишком мало сознательных товарищей, которые могли указать, в каком направлении должна развить карающая десница революционного солдата. Палку, которой они били М-ских белогвардейцев,

В.А.Воробьев.

они перегнули в другую сторону, и она больно ударила ни в чем ни повинную бедноту завода. В справедливом негодовании против кулаков, встретивших их выстрелами, Б-цы не дали себе времени разобраться, кто из жителей друг, кто враг, – «конфисковали» имущество подряд и у имущих, и неимущих, в богатых домах, и в вросших в землю избенках на три окна. В результате возникло дело, которое теперь бросает тень на честь солдата революции. Я надеюсь, что оно окажется далеко не столь позорным, каким рисуют его показания потерпевших. Другая сторона еще не опрошена. Поэтому сейчас еще слишком рано делать заключения... Когда мы по окончании следствия возвращались в штаб, впереди нас на линии железной дороги бухали пушки¹¹.

Примечания:

¹ Молебский завод расположен на правом берегу реки Сылвы.

² Население завода составляло около 4 тысяч человек.

³ Правильно – Август Августович Сорксен, начальник команды конной разведки Эстонского коммунистического батальона. См.: РГВА, ф. 1346, оп. 2, д. 730, л. 11.

⁴ Суксунская дорога.

⁵ В августе и начале сентября 1918 г. в Молебском заводе размещался 2-й Кунгурский батальон В.Захарова. См.: РГВА, ф. 1346, оп. 2, д. 143, л. 28; д. 672, л. 2.

⁶ Первый раз казачий разъезд вступил в Молебский завод 18 сентября 1918 г. См.: За svobodu... D.5, S. 243.

⁷ 18–20 сентября на Кунгурское и Красноуфимское направление подошла Южноуральская партизанская армия

В.К.Блюхера, которая с 22 сентября была объединена с 4-й Уральской дивизией и начала наступление в полосе Новопермской железной дороги. 24–29 сентября части 6-го Ганацкого полка подполковника Л.Крейчи отступили и оставили станцию Шамары. См.: За svobodu... S. 262–269.

⁸ Под сокращением Б-ский отряд В.А.Воробьев имеет ввиду Белорецкий пехотный полк Алексея Викуловича Пирожникова, входивший в 4-ю Уральскую дивизию.

⁹ Бойцами Белорецкого полка.

¹⁰ То есть красноармейцы Белорецкого полка просто ограбили Молебский завод.

¹¹ Получив подкрепление, 6-й Ганацкий полк 3 октября отбил станцию Шамары и занял оборонительную линию по реке Сылва с центром вдоль железной дороги, на которой и отразил наступление красных войск. 14–15 октября 6-й Ганацкий полк был сменен 8-м Силезским и 5-м Пражским полками. 16 октября 1-й батальон 5-го Пражского полка взял Молебский завод, а затем с подошедшими частями 7-го Татранского полка выдвинулся на рубеж рек Лек и Бырма. После неудачных боев 25–26 октября чехословаки отступили в Молебский завод, а затем были отведены на отдых в Екатеринбургский район. Фронт на Кунгурском направлении заняли полки 7-й Уральской дивизии горных стрелков генерал-майора В.В.Голыцина. После боев у станции Тулумбасы и села Осинцево белые войска стали отступать, и командующий Екатеринбургской группой войск генерал-майор Р.Гайда вновь выдвинул на фронт 6-й Ганацкий полк. Для удержания Молебского завода в него выдвинулся 4-й батальон 6-го Ганацкого полка, который отражал атаки красных войск до 15 ноября. 16 ноября чехословаки и белые были вынуждены оставить Молебский завод и отойти на несколько верст восточнее. Выдвинутый на фронт 8-й Силезский полк 19–20 ноября организовал наступление от станции Шамары и 20 ноября занял оставленный красными Молебский завод. С 20 ноября по 13 декабря завод занимали роты 8-го Силезского полка. На фронте стояла тишина, действовали только разведчики. Шли снежные метели, и выпало много снега. С помощью местных жителей чехословаки устроили с запада и северо-запада от завода снеговые окопы и позиции для артиллерии. 13–14 декабря 1918 г. началось наступление в сторону Кунгура, и войска покинули Молебский завод.

ВРУЧЕНИЕ ЗНАМЕН ЧЕХОСЛОВАЦКИМ ПОЛКАМ 2-Й ДИВИЗИИ НА МОНАСТЫРСКОЙ ПЛОЩАДИ ЕКАТЕРИНБУРГА

Индржих БЕЙЛ

Автор этих строк – чехословацкий легионер Индржих Бейл родился 14 октября 1890 г. в Полице над Метуйей. В июле 1914 г. был мобилизован и в качестве кадета направлен в 11-й пехотный полк. Участвовал в боях на сербском фронте и был ранен. После излечения был направлен на русский фронт, где 7 апреля 1915 г. попал в плен под местечком Воля Михова. Находился в лагере для военнопленных в Самарканде. В августе 1916 г. поступил в чехословацкий легион, и после переучивания был направлен на формирование 5-го Пражского полка. Прodelал с полком всю легионерскую одиссею в Сибири. После возвращения в Чехословакию продолжил службу в армии, окончил Высшую военную школу. Участник движения сопротивления. В 1942 г. арестован гестапо и находился в концентрационном лагере Терезин. Освобожден в 1945 г. Продолжил службу, дивизионный генерал. В 1948 г. уволен со службы. Умер 5 июля 1973 г.

Индржих Бейл вел дневник в 1914–1920 гг. во время службы в австро-венгерской армии, в лагере военнопленных и в чехословацком легионе. В приводимых здесь записях от ноября 1918 г. не только говорится о вручении знамен полкам 2-й дивизии, но и хорошо видны проблемы, вставшие перед чехословацкими легионерами в России из-за влияния революции и остатков комитетщины.

8 ноября

Сегодня годовщина сражения на Белой Горе¹ 1620 г. Утром шла тренировка сводного батальона для парада, который назначен на 10 ноября, где полку будет вручено знамя. После полудня мы с доктором Кудела² прибыли в Пассажа³, где он должен был прочесть лекцию о значении Белогорской битвы и Вестфальского мира⁴ для нашего народа. Лекция была очень интересной и вызвала всеобщий интерес. Когда доктор Кудела закончил и уже сходил с трибуны, раздались голоса Кинцла и Штейнера⁵, обратившихся к нему с вопросами. Кудела остановился. Первым обратился Штейнерт: «Кто является нашим высшим руководством?» Кудела ответил, что им является находящееся в Париже наше заграничное правительство, а его функции в России исполняет Отделение.

Затем, оставаясь стоять, Штейнерт стал спрашивать, от чьего имени издаются приказы коман-

дира нашего армейского корпуса и будут ли реорганизовываться чехословацкие войска на традиционной основе, то есть без комитетов? Затем он добавил, что это была бы ошибка, и так как с Божьей милостью есть в войске такие, как он, они этого не дадут сделать! Некоторые братья зааплодировали, но раздались и недовольные возгласы: «Лодырь», «Позор!», «Заткнись!» Доктор Кудела ответил, что слова Штейнерта – это подстрекательство против руководства и попытка развалить наше единство. Куделе аплодировали гораздо сильнее.

Я сошел со сцены и услышал, как в первом ряду начал выступать Кинцл, требуя выборы комитета, проявляя недовольство тем, что у офицеров есть слуги-ординарцы и что-то еще... Мне очень хотелось вернуться и высказать свое мнение, но я подумал, что Кинцла и его сообщников не убедить, и это только придаст им важности. Офицеру «чешской революционной, демократической

Знамена полков 2-й чехословацкой дивизии.

армии» нужно иметь большую выдержку и железные нервы. У него огромные обязанности без прав и защиты. Это может исчерпать любые нервы и, в конце концов, офицер скажет, почему я должен все это терпеть, как будто с этой «лапши⁶» на рукаве я что-то имею?!

Вечером наш Сводный батальон убыл на станцию в подготовленный эшелон и ночью убыл на торжества для получения нового полкового знамени.

9 ноября

В полдень мы прибыли в Екатеринбург и тотчас же по приезду, вместе с командиром полка отправились в штаб фронта за инструкциями на завтрашний праздник. В штабе нас встретил старший адъютант Гайды капитан Плх и дал нам прочитать приказы командования 1-й дивизии, отданные после смерти полковника Швеца⁷, который недавно застрелился из-за стыда за свои части, которые отказались повиниться. Вполне понимаю его решение. Наверное,

это было страшно для человека, который начинал бой за нашу свободу с Дружины, с любовью и надеждой создавал части нашей армии и жил ее радостями и опасениями. Какой это был для него удар, когда эти части из трусости и страха за свою жизнь забыли о своем долге перед родиной. Полк, получивший приказ о наступлении стал митинговать, будем наступать или нет, а комитетчики сыграли в этом немалую роль! Оставили своих братьев на позициях и бежали перед ничтожным неприятелем! Вот она роль комитетов!

Мы отправились в Отделение к Заваде – секретарю «военного министра» Медека⁸. Там нас ожидало необыкновенное удивление! Завада сообщил нам, что Отделение Национального Совета только что назначило уполномоченным нашего 5-го полка этого подстрекателя Кинцла!!! Отделение не спросило у нас, какое влияние имеет этот человек на полк, и назначило его, даже не спросив командира полка.

10 ноября

В 7 часов утра, мы со Штепаном⁹ отправились в штаб фронта к Гусарику за инструкциями о порядке вручения полкам пожалованных знамен. В половине девятого мы вышли на место парада. В 11 часов прибыл Гайда, в полном блеске – он это умел – и принял рапорты от командиров. На праздник пришел отряд англичан с полковником Уордом¹⁰, нашим хорошим приятелем еще с Украины, все тем же веселым добряком. Затем на место, в сопровождении кавалерии и одной стрелковой роты, были доставлены знамена. Когда бы иностранцы: англичане, французы, американцы, поляки и русские знали ту грязь и демагогию, которую творили некоторые из присутствующих здесь членов Отделения и которая скрывалась под всей этой пышностью, где был бы тогда нынешний парад!?

Этому молодому человеку «военному министру» и «подполковнику» Медеку отдавал рапорт старший воин, генерал Сыровы¹¹. На месте Медека мне было бы стыд-

5-й Пражский полк на Главном проспекте Екатеринбургa.

но. Хотя Сыровы стал командиром войск по предложению Павлу¹² только потому, что он его знал и имел одно око, как Жижка, которое потерял у Зборова. Безусловно, это так, но честный воин и один из первых добровольцев Дружины, как и многие другие офицеры, во многом был не согласен с Отделением. Затем Медек прочитал обещание-присягу, и знамена были переданы полкам, в лице их командиров с почетным караулом. У меня стиснуло сердце, и мне хотелось кричать, так я в этот момент затосковал по нашей родной земле.

В 6 часов вечера был банкет¹³. Меня усадили рядом с председателем польского комитета, который был бывшим пленным австрийским офицером, много сделавшим для свободы своего отечества. Напротив сидели английские офицеры. Общество было веселым, и было много тостов от разных гостей. Долго никто не вспоминал про тяжкие испытания Польши. Я знал и ценил польскую борьбу за свободу и независимость. Ничего не придумывая, мой тост за свободную Польшу шел от всего сердца и был очень хорошо принят. Вино было хорошее, и я немало захмелел. Но в этом был свой плюс, так как все накопившееся в

душе я высказал Заваде, Куделе и Патеядлу без всяких прикрас, как они могли делать такие эксперименты и назначать без ведома полка полномочником Кинцла! Они обещали, что настаивать не будут и ошибку исправят.

12 ноября

К обеду добрались до Ирбита. По сведениям немцы потеряли Седан и Мобеж, а Австрия капитулировала... Дома – свобода! А мы?¹⁴

*“Denik legionáře.
Divizni general v. v. Jindřich Bejl.
Praha, 2013. S. 266–269.*

Примечания:

¹ Сражение первого (чешского) периода Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. на Белой горе, на западной окраине Праги, между войсками Евангелической (Протестантской) унии под командованием князя Христиана Ангальтского и Католической лиги под командованием фельдмаршала К.Б. де Бюка. Войска Евангелической унии, большинство которых состояли из чехов, потерпели сильное поражение, и Прага была захвачена католиками.

² Кудела Йозеф (1886–1942). Окончил философский факультет Пражского университета, журналист и преподаватель гимназии. В 1915 г. мобилизован в австро-венгерскую армию. В 1916 г. попал в русский плен и в этом же году вступил в Чехословацкий легион. Редактор газеты «Чехословацкий дневник», председатель информационно-пропагандистского отдела Отделения Чехословацкого национального

совета в России. Вернулся в Чехословакию. Участник движения Сопротивления против нацистской оккупации. Арестован гестапо в 1941 г. Казнен в 1942 г. См.: Horčíka L. PhDr. Kudela Josef. Legionář, spisovatel, novinář, bojovník proti nacismu. Brno, 2017. S. 7–10.

³ Пассаж – главный торговый павильон Ирбитской ярмарки.

⁴ Вестфальским миром в 1648 г. закончилась Тридцатилетняя война. В Чехии, на территории которой шли военные действия, проходила рекатолизация населения, а чешские земли стали наследственным владением Габсбургов.

⁵ Члены полкового комитета, социал-демократы.

⁶ «Лапша» – ироническое название нашивки на нарукавном щитке из галуновой ленты желтого или белого цвета, служащей для обозначения воинского чина. Введены в Чехословацком армейском корпусе с 30 декабря 1917 г.

⁷ Командир 1-й Гуситской стрелковой дивизии полковник Й.Швец застрелился 25 октября 1918 г. на станции Аксаково после отказа подчиненных ему частей повиноваться его приказам.

⁸ Рудольф Медек – председатель военного отдела Отделения Чехословацкого национального совета в России, в шутку называемый И.Бейлом военным министром.

⁹ Штепан – командир 5-го Пражского стрелкового полка.

¹⁰ Полковник Джон Уорд, командир Генерал-майор Ян Сыровы – командир Чехословацкого армейского корпуса и командующий войсками Западного фронта.

¹¹ Богдан Павлу – председатель Отделения Чехословацкого национального совета в России, политический руководитель чехословацких войск.

¹² Банкет после вручения знамен происходил в большом зале 1-й женской гимназии.

¹³ Сведения о событиях в Европе доходили до чехословацких легионеров, воюющих на Урале, с запозданием. 28 октября 1918 г. в Праге была провозглашена независимость нового Чехословацкого государства.

Церемония вручения знамен полкам 2-й дивизии.

Вручение знамени 5-му полку.

ПОСЛЕ КОЛЧАКОВСКОГО ПЕРЕВОРОТА

Франтишек БОУШКА

Автор этих воспоминаний легионер Франтишек Боушка родился 16 ноября 1884 г. в Труснове района Высоке Мыто. Мобилизован в австро-венгерскую армию и 21 ноября 1914 г. попал в русский плен в Карпатах. Находился в плену в Екатеринославе. С 4 ноября 1917 г. вступил в чехословацкий легион. Ефрейтор 6-го Ганацкого полка. 1 октября 1920 г. вернулся в Чехословакию и демобилизован.

Декабрь показал нам настоящую сибирскую зиму. Открылась правда о том, что 7-й полк отказался выступить на фронт. 3 декабря был большой парад, при котором было вручено знамя всему полку. Кроме этого, было награждено несколько братьев, среди них и майор Ваня. Начал составляться список инвалидов и людей старше 45 лет, которые должны будут отправляться домой, и состоялись выборы ротного представительства. Я был выбран уполномоченным, работа не очень завидная. Члены Национального совета с Б.Павлу поехали навстречу генералу Штефанику, чтобы

информировать его об обстановке в войсках, которая была не очень хорошей. Среди личного состава ширились заболевания. 4 декабря лекарь отметил только в нашем полку (6-м Ганацком – А.К.) 45 больных. Ничего удивительного... Распущенность начиналась и среди офицерства. 7 декабря в театре состоялся русско-чешский вечер, где играл и наш замечательный оркестр под руководством брата Восковца. Венцом вечера было сокольское учение, которое было поставлено братьями Эрбеном и Перглем.

8 декабря наконец-то приехал и генерал Штефаник. Для его встречи были привлечены все части, стоявшие в Екатеринбурге. Войска были выстроены шпалерами по обеим сторонам улицы от станции до «белого дома» – резиденции нашего Отделения Национального совета, на расстоянии почти 1,5 км. Наша рота разместилась недалеко от штаба Северо-Уральского фронта. Расходиться мы не могли, хотя стоять на снегу при таком морозе было тяжело. Винтовки были воткнуты в снег, а парни согревались, бегая вокруг и т.д. Несколько раз приходил приказ: «Встать в строй! Уже едет!» Но через полчаса все опять разбежалось. Потом стало известно, что поезд опаздывает, а генерал Штефаник приедет часа через два. Недалеко от нас, в большом доме, где недавно была выставка, «американский дядюшка» открыл клуб и чайную. Мы отпросились туда погреться.

Слева – генерал М.Р.Штефаник, справа – генерал Р.Гайда на празднике Георгиевских кавалеров в Екатеринбурге.

Штефаник на авто.

Только зашли, пришел приказ: «Становись!» Построились, ждем почти час и опять напрасно. Желудок бурчит, винтовки опять стоят в снегу, как свечки, а мы бегаем кругом. Некоторые братья снова убежали в чайную.

Вдруг видим, что рота, стоявшая в сторону станции, держит винтовки «На караул». Быстро строимся и поднимаем винтовки. Может быть, едет? Что такое? От станции доносятся звуки гимна, а нас едва ли четверть, и винтовки стоят в снегу, как свечи, без своих владельцев. И действительно, вот они автомобили. Промчались быстро, но генерала мы разглядели. Худой, чисто выбритый, болезненного вида, в красной генеральской фуражке. Рядом с ним сидели генералы Сыровы и Гайда. Последний с усмешкой смотрел на наши поставленные в ряд винтовки без людей. Так-то приветствуют первого министра Чехословацкой ре-

спублики... Конечно, вина лежала на плохих организаторах торжества. Но мы хотя бы сами, без приказа, выручили ситуацию.

9 декабря опять был праздник, на этот раз русский, в честь георгиевских кавалеров, награжденных крестом Святого Георгия. На Соборной площади прошел русский молебен. Вокруг, квадратом стояли русские и наши войска. В празднике участвовал и генерал Штефаник, который наградил несколько русских воинов. После полудня наш батальон был приглашен на встречу с министром Штефаником. Каждая рота выслала четверых братьев. К вечеру все вернулись и рассказали о впечатлении, которое произвел на них генерал. Братья приготовились к многочисленным жалобам, но были обезоружены его обхождением. Он знал наши проблемы и наше настроение. Знал и русские, запутанные обстоятельства. Но

он всех успокоил и возбудил веру в победу нашего дела и призвал к терпению. Он объяснил, что хочет сам привезти нас в отечество. Видно было, что он болен, и даже речь его утомляла. Попросил извинения, что должен идти пить чай. Наши делегаты вернулись смущенными, и мы поняли из их слов, что наша задача не окончена и рассчитывать на длительный отдых мы можем только после отъезда.

Bouška F. Po kolčákové převratu. // Cestami odboje. Jak žily a kudy tahly čs. legie. D. 4. Praha, 1928. S. 361–363.

В

БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ И МАЛЕНЬКАЯ ЛЕНТОЧКА

Александр КРУЧИНИН

Осенью 2007 года в Екатеринбургском выставочном центре на улице Чапаева проходила выставка, посвященная Гражданской войне на Урале. На выставке были представлены документы, фотографии и подлинные вещи из разных музеев и архивов Урала. Среди множества фотографий одна оказалась самой необычной – теплым летним днем группа рабочих откапывала чуть зарытые трупы людей. Подпись под фотографией гласила, что это 1919 год и идет раскопка тел людей, расстрелянных белыми. Такого рода фотографии – большая редкость, и она нас чрезвычайно заинтересовала. Фотография была в витрине, и из-за толстого стекла и подсветки было невозможно рассмотреть детали. Пришлось записать ее выходные архивные данные и ждать окончания выставки.

Внимательно рассмотреть эту фотографию в Центре документации общественных организаций Свердловской области удалось только несколько недель спустя. Надпись на обороте гласила, что летом 1926 г. она принадлежала полномочному представительству

ОГПУ на Урале и что это фотография раскопок в 1919 г. трупов рабочих, расстрелянных белыми. Бросилось в глаза следующее – группой рабочих, ведущих раскопки, руководил человек с небольшими усиками, одетый в военную форму: фуражку, гимнастерку без погон, шаровары и ботинки с обмотками. На его фуражке не было звездочки и нигде не усматривалось никакого отличительного знака принадлежности к Красной армии, или к советской власти. Только на отверстии гимнастерки, против нагрудных карманов, у него была двухцветная ленточка.

Кто в Гражданскую войну на Урале мог носить двухцветную ленточку? Либо чехи – бело-красную, либо белые, представители Сибирского правительства и Сибирской армии – бело-зеленую. Вряд ли чехи стали бы заниматься раскопкой трупов гражданских лиц, и логично предположить, что ленточка у этого военного бело-зеленая и он представитель русских белых военных властей на Урале. Что же теперь можно сказать в связи с этой ленточкой? Этот человек – не представитель Красной армии и советской власти и это – не 1919 год. Это представитель русской белой власти, и это лето 1918 года. Как раз в конце июля – в августе 1918 г. в Екатеринбурге и его окрестностях неоднократно находили тела жертв красного террора: группу в 17 человек, расстрелянных за гибель комиссара Малышева, группу в 60 человек, расстрелянных камышловских заложников, группу в 6 человек, расстрелянных у села Арамильского и убитых рабочих в окрестностях Верх-Исетского завода. Вероятнее всего, что это люди на фотографии, расстрелянные за комиссара Малышева вблизи станции Екатеринбург II, либо камышловские заложники, расстрелянные на старом стрельбище у Сибирского тракта. Для работников архива бело-зеленая ленточка по-

Отпевание заложников. 1918 г.

казалась слабым аргументом. Мне разрешили изложить свое мнение на листе бумаги, который был вложен в дело вместе с фотографией, и все осталось по-прежнему.

Прошло несколько лет. Наш знакомый, латвийский историк Гинс Скутанс прислал мне три скана старинных екатеринбургских фотографий, на которые он наткнулся в рижском архиве. Там было сказано, что эти фотографии с раскопок и похорон заложников из Екатеринбурга, расстрелянных в 1918 г. за гибель комиссара Мальшева. Первая из этих фото оказалась идентичной той, что лежала в Центре документации. Наше предположение, что это 1918 г. и это жертвы красного террора, оправдались. Маленькая бело-зеленая ленточка не подвела! Трудно сейчас сказать, кто был автором фальсификации, то ли уральские чекисты, то ли работники Уральского истпарта, но фотография много лет исправно служила целям советской пропаганды.

Таким образом, стало точно известно, что раскапывают людей, расстрелянных за гибель комиссара Мальшева, именем которого в нашей области назван рабочий поселок и улицы в разных уральских городах. Комиссару стоит несколько памятников: в Верхотурье, где он родился, на станции Тундуш, где он погиб, в Златоусте, где похоронен, и наконец, самый большой и помпезный – в Екатеринбурге. И.М.Мальшев – профессиональный революционер, много сделавший для свержения старого строя, председатель Уральского областного комитета РКП(б). В марте-апреле 1918 г. – участник подавления восстания оренбургских казаков, а с мая – комиссар Златоустовского фронта. Он был убит 23 июня 1918 г. руками повстанцев при возвращении в Златоуст после подавления Кузинского рабочего восстания¹.

На гибель одного из своих вождей уральские большевики ответили красным террором. По предложению президиума Уральского областного совета, 29 июня 1918 г. Уральская областная ЧК отправила на расстрел 19 заложников и противников советской власти². Двое из заложников, член партии Народной свободы, журналист Н.П.Чистосердов и крестьянин Березовского завода Зырянов убежали из под расстрела и спаслись³, так что фактически расстрелянными оказалось семнадцать чело-

век. Из этих семнадцати человек шестеро были открытыми противниками советской власти: бывший офицер Е.П.Мамкин и матрос Т.Нахратов участвовали в выступлении Союза фронтовиков на Верх-Исетском заводе 12–14 июня 1918 г., А.Д.Воробьев, Д.Р.Агапов, Чижов и Андреев участвовали в Невьянском восстании 12–20 июня 1918 г., причем А.Д.Воробьев, старый эсер-подпольщик, председатель Невьянской организации Партии социалистов-революционеров был одним из руководителей восстания⁴.

Семь жертв красного террора были ни в чем не повинными заложниками: бывший управляющий Верх-Исетским горным округом и предприниматель, горный инженер А.И.Фадеев, бывший управляющий Сысертским горным округом, горный инженер А.М.Мокронос, конторщик управления Западно-Уральской железной дороги К.И.Бронских⁵, екатеринбургские мещане и домовладельцы Н.Е.Первушин и В.В.Соколов, дядька наследника цесаревича К.Т.Нагорных и лакей царской семьи И.Д.Седнев⁶. У оставшихся четырех известны лишь их фамилии: Дылдин 1-й, Дылдин 2-й, Козлов и Корсаков⁷.

25 июля 1918 г. Екатеринбург был занят чехами, казаками и белыми подпольщиками. Вскоре неподалеку от станции Екатеринбург II тела большевистских жертв, расстрелянных «за товарища Мальшева», были найдены. Едва присыпанные землей в грязной канаве они были откапаны, очищены и положены в гробы. После полудня 2 августа гробы с расстрелянными были погружены на телеги и катафалки и украшены цветами и зеленью. Во главе со священниками, под охраной казаков и добровольцев, с церковным хором впереди и военным оркестром позади, печальное шествие двинулось к городу и около 14 часов подошло к Александровскому проспекту⁸. Здесь к процессии присоединились консул Великобритании Т.Престон, вице-консул США Г.Пальмер, вице-консул Швеции Г.Саммель и официальные лица Дании, Китая и Греции.

Шествие шло среди тысяч горожан, заполнивших тротуары, под похоронные марши, пение хора и перезвон колоколов. Перед Царским мостом процессия свернула направо по Златоустовской улице⁹, затем налево по Главно-

му проспекту¹⁰ и дошла до Кафедральной площади¹¹, где епископ Григорий (Яцковский) совместно с духовенством совершил чин отпевания. Затем траурный кортеж проследовал на Монастырское и Ивановское кладбища, где состоялось погребение большей части из названных жертв¹².

Прошло много лет.

За десятилетия советской власти усилиями пропагандистов, писателей и историков был создан мифологизированный образ нестигаемого борца за советскую власть на Урале комиссара И.М.Мальшева. Немалую роль в пропаганде деяний комиссара-катарателя сыграла уральская писательница О.И.Маркова¹³, которая и выступила с инициативой установки памятника И.М.Мальшеву в Свердловске. В конце концов, в 1977 г. памятник был изготовлен и установлен на перекрестке улиц Мальшева и 8 Марта, но в 2002 г. монумент был перенесен на набережную реки Исети по улице Мальшева в связи с воссозданием храма Большой Златоуст. Уральский скульптор В.Е.Егоров выполнил памятник из красного гранита, который должен был символизировать красную идею за которую боролся Мальшев. Но скульптор, сам того не ведая подчеркнул, что комиссару как библейскому Молоху, или ацтекскому Уицилопочтли, приносили человеческие жертвы, которые и окрасили гранит своей кровью.

Примечания:

¹ Кручинин А.М. Златоустовский фронт. Июнь 1918 г. Екатеринбург, 2012. С. 44–45.

² В Облсовете. От Уральского областной чрезвычайной комиссии // Известия Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов. 1918, 30 июня.

³ ГААОСО, ф. 1, оп. 2, д. 37682, л. 23; Аничков В.П. Екатеринбург-Владивосток. 1917–1922. М., 1998. С. 154–155.

⁴ Кручинин А.М. Невьянский набат. Народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. Екатеринбург, 2010. С. 62, 100.

⁵ Местная жизнь. Панихида по расстрелянным большевиками // Отечественные ведомости. 1919. 14 января.

⁶ Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II и членов его семьи. Избранные документы. М., 2003. С. 313.

⁷ В Облсовете. // Известия. 1918. 30 июня.

⁸ Ныне улица Декабристов.

⁹ Ныне улица Р.Люксембург.

¹⁰ Ныне проспект Ленина.

¹¹ Ныне площадь 1905 г.

¹² Похороны жертв большевиков // Уральская Жизнь. 1918. 2 августа.

¹³ Маркова О.И. Кликун-камень. Свердловск, 1970.

«МОЛОДЦЫ, ТОВАРИЩИ, КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ?»

Александр КРУЧИНИН

Советская пропаганда всегда расхваливала добровольцев-интернационалистов РККА – участников Гражданской войны в России: венгров, немцев, латышей и китайцев. Действительно, в начале формирования Красной армии в 1918 г. они сыграли очень значительную роль и зачастую, особенно в Сибири, именно интернационалисты составляли большинство в воинских частях и отрядах РККА. Магьяры и немцы до попадания в русский плен служили в своих регулярных армиях и прошли в них полноценное воинское обучение. Латыши были добровольцами в латышских стрелковых полках русской императорской армии, были хорошо обучены и имели немалый боевой опыт. И те, и другие были опытными солдатами. Иное дело китайцы! Китайские интернациональные части формировались из неквалифицированных чернорабочих, приехавших в годы 1-й Мировой войны на работы в Россию. В массе своей они

были малограмотны, плохо знали русский язык, не были обучены солдатскому ремеслу и не имели своих опытных офицеров. По этим причинам, несмотря на их дисциплинированность и фанатизм, они были неважными воинами.

Но советские пропагандистские штампы до сих пор держатся в нашем обществе, и вот например, в вышедшем в ноябре 2017 г. номере газеты АИФ-Урал в статье «Китайский спецназ. Как мигранты из Поднебесной защищали революцию», тогдашний начальник архивной службы Свердловской области А.А.Капустин объявил, что китайский пролетариат, работавший в России, безоговорочно принял советскую власть и назвал одного из создателей китайских частей на Урале, а позднее командира Китайского полка Жэнь Фучэня легендарной личностью, а его подчиненных объявил неким подобием китайского спецназа, участвовавших в нескольких победных операциях¹. Для доказательства того, что это был настоящий спецназ, А.А.Капустин привел строчки из стихотворения «Китайские интернационалисты», якобы напечатанные в сборнике пролетарской поэзии и выпущенные в 1924 г. в Сарапуле.

«Са Фуан и Шен Ченхо –
Красные китайцы!
Белые от них бегут,
Как лесные зайцы.

Пау Тисан и Жен Фучен²,
Здорово воюют.
Скачут, скачут на конях –
Все враги горюют³.

Действительно ли китайские товарищи «здорово воевали» и заставляли «горевать своих врагов»?

Китайский батальон с командованием
1-го Крестьянского коммунистического полка.

Так было принято считать, опираясь на советские газеты периода Гражданской войны и на воспоминания красноармейцев. Например, газета «Уральский рабочий» в августе 1918 г. отмечала, что китайские роты, борющиеся на нашем фронте, отличаются стойкостью и замечательной выносливостью. Будущий маршал Ф.И.Голиков, в то время красноармеец 1-го Крестьянского коммунистического полка, также расхваливал дисциплину и стойкость китайцев. Об этом же говорилось в книге о китайских добровольцах в Гражданской войне в России. Но обращение к подлинным документам Российского государственного военного архива и к воспоминаниям тех современников, которые в отличие от политбойца Ф.Голикова немного побольше разбирались в тактике и умели воевать по-настоящему, показывает, что это далеко не так.

Участник 1-й Мировой войны и полный Георгиевский кавалер С.Г.Пичугов, воевавший вместе с китайским батальоном под Верхотурьем, говорил: «Они не признавали коротких перебежек. Шли в наступление во весь рост, спокойно продолжая вести стрельбу на ходу. Наступали густыми цепями или сомкнутыми шеренгами, представляя очень хорошую цель для пулеметов и артиллерии противника. Когда снаряд вырывал из их цепи целые звенья, они смыкались снова и спокойно продолжали идти вперед. Убитых и раненых они сейчас же уносили в тыл, выделяя для этого специальных людей. Такая тактика приводила к огромным потерям, и за какие-нибудь 2–3 недели от китайского батальона почти ничего не осталось»⁴.

В приказе № 9 от 24 октября 1918 г. по войскам 3-й красной бригады Сводной Уральской дивизии было объявлено, что в бригаду прибыл китайский батальон из 1-го Крестьянского коммунистического полка⁵. Прибывший батальон был подчинен начальнику Левого боевого участка, помощнику командира 1-го Горного советского полка П.С.Моргунову⁶. Это подтверждал в своих воспоминаниях и командир 1-го Горного

Командование Китайского полка.

Сидит – третий слева в светлом френче, командир полка Жэнь Фучэнь.

полка С.Г.Пичугов: «Вскоре нашему полку был придан китайский батальон, которым командовал Ли Хунчан, а комиссаром был Погорелов. Батальон этот с остатками Верхотурского отряда действовал по тракту идущему от Верхотурья на Нижнюю и Верхнюю Туру»⁷.

Задачей 3-й бригады И.П.Вырышева был разгром Северной колонны белых войск капитана Н.Н.Казагранди и взятие станции и города Верхотурье. Войска 3-й бригады готовились к наступлению на Верхотурье уже целую неделю, и только с прибытием китайского батальона было решено нанести удар. Согласно приказу № 12 от 27 октября Левый боевой участок П.С.Моргунова, состоящий из Китайского и 2-го батальона 1-го Горного полка, должен был атаковать по тракту через мост на реке Актай и далее с запада на станцию. Правый боевой участок из 1-го батальона 1-го Горного полка, артиллерии и бронепоезда под командованием С.Г.Пичугова должен был атаковать через железнодорожный мост на реке Тура и далее с юга на станцию. В резерве, по причине его невысокой боеспособности, был оставлен Волынский полк А.И.Федоровского⁸.

Операция началась в 5 часов утра 28 октября, но проходила крайне неудачно: все атаки красных были отражены с большими для них потерями. Вечером этого

же дня комбриг И.П.Вырышев всячески пытался оправдаться. По его рапорту, противник был выбит из двух рядов окопов и потерял громадное число людей. Дух наступающих красноармейцев был очень высок, но ввиду неисправности железнодорожного моста продвигаться дальше было невозможно⁹. 29 октября начдив М.В.Васильев в свою очередь вводил в заблуждение свое начальство и в рапорте в штаб армии доносил, что китайский батальон, перейдя по мосту через реку Актай, отбросил противника к Верхотурью и отступление белых шло в полном беспорядке и с серьезными потерями, но развить успех не удалось из-за медленной переброски резервов через реку Актай, мост через которую держался под артиллерийским обстрелом¹⁰.

Из рапортов комбрига и начдива следовало, что красноармейцы нанесли белым громадные потери и заставили их отступать в беспорядке, но вот из-за какого-то моста (неясно из-за какого?) операция сорвалась. Рапорты рапортами, но выяснилось, что и у красных потери оказались велики, и их трудно было скрыть. Направленный в 3-ю бригаду для расследования причин неудачи адъютант начдива доложил, что неприятельские окопы находились недалеко от моста через реку Актай и взяли его под перекрестный пулеметный огонь

Командир 1-го Горного советского полка С.Г.Пичугов.

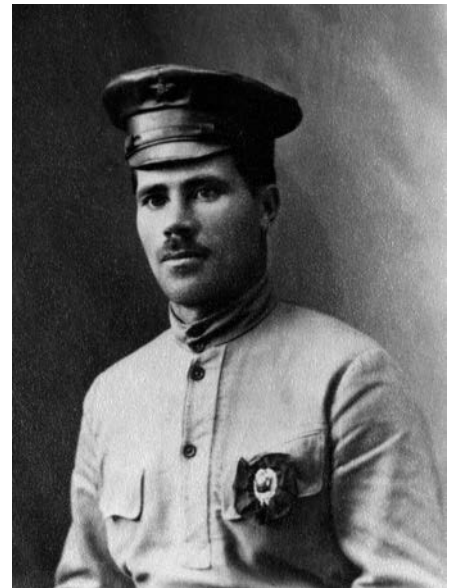
с двух сторон, так что выбить противника лобовым ударом было совершенно невозможно¹¹. Несколько лет тому назад автор статьи со своими коллегами по Екатеринбургскому военно-историческому клубу обследовал район боя у моста через реку Актай. Местность на левом берегу реки плавно повышалась к востоку, и оборонительная линия белых сибирских стрелков располагалась на гребне, метрах в четырехстах от восточной оконечности моста. Китайцы и бойцы 2-го батальона 1-го Горного полка подверглись пулеметному и ружейному огню уже при переходе через мост, а на берегу реки им негде было укрыться и развернуться в цепь.

Бывший фельдфебель запасного пехотного полка И.П.Вырышев просто погнал своих бойцов в лобовую атаку через мост и их расстреливали словно в тире! Бестолковые действия красного комбрига и подчиненных ему командиров левого боевого участка усугублялись тем, что китайцы плохо знали тактику боя и не умели применяться к местности. 29 октября в разговоре по прямому проводу с начдивом М.В.Васильевым комбриг И.П.Вырышев, наконец-то, доложил, что китайский батальон во вчерашнем бою потерял 132 человека, в том числе 33 убитыми, 44 пропавшими без вести и 55 ранеными, и в батальоне осталось 185

человек. 2-й батальон 1-го Горного полка потерял 40% своего состава. Потери 1-го батальона были намного меньше и составили около 30 человек. В полную негодность пришли все семь артиллерийских орудий, имевшихся в бригаде¹². В правильно организованной армии такой комбриг на этом бы закончил свою карьеру, но М.В.Васильев только пожурил И.П.Вырышева¹³.

Еще две недели части 3-й бригады пытались организовать наступление на Верхотурье и разгромить Северную колонну капитана Н.Н.Казагранди, но все их попытки были безуспешными. Китайский батальон находился на позициях, а 10 ноября был отведен в бригадный резерв в деревню Ванюшино, где получил отдых и некоторые подкрепления. 17 ноября китайский батальон вновь был брошен в бой и в контратаках у станции Корелино потерял 59 человек, в том числе 13 убитыми, 21 пропавшим без вести и 15 ранеными¹⁴. Бросается в глаза, что безвозвратные потери батальона Ли Хунчана вдвое превосходили потери ранеными, хотя во время войны обычно все бывает наоборот и число раненых в несколько раз превышает число убитых. Тактика и фатализм китайских бойцов оставались прежними. 18 ноября части 3-й бригады оставили станцию Корелино и деревню Ванюшино и отступили в район станции Платина и села Ново-Туринское.

С этого времени в оперативных документах красной бригады появляется Китайский полк. Видимо, в ноябре остатки батальона Ли Хунчана были объединены с новым батальоном, который привел Жэнь Фучэнь и отрядом прибывшим из Перми¹⁵. Полк предполагалось развернуть до полного штата из девяти стрелковых рот и соответствующих команд, но пока в нем было только неполных семь рот и небольшая пулеметная команда, общей численностью в 650–700 человек. В командование полком вступил бывший офицер китайской армии Жэнь Фучэнь. В боях за станцию Платина 21–22 ноября Китайский полк вновь потерял около ста человек убитыми, пропавшими без вести и ра-

Командир 3-й красной бригады И.П.Вырышев.

ненными, в том числе были убиты командир батальона и командир роты, ранено два командира рот¹⁶. Потеряв станцию Платина и село Ново-Туринское, части 3-й бригады отступили к станции Выя и Нижнетуриинскому заводу, на подступах к которым Инженерный батальон дивизии спешно готовил оборонительную линию. Китайский полк был отведен в резерв и расположился в вагонах на станции Выя-Богословская¹⁷.

Утром 29 ноября белые сибирские стрелки начали наступать на позиции 3-й бригады с севера и с северо-востока. Завязался сильный бой. Тем временем обходная колонна 16-го Ишимского Сибирского стрелкового полка под командованием капитана С.Сиротина обошла с востока станцию Выя и, выйдя к железной дороге южнее станции, отрезала основные силы красных. Станция Выя была атакована с двух сторон, и все находившиеся в этом районе красные части – 1-й Камышловский полк, Китайский полк, отряд моряков и все бригадные тыловые службы – были разгромлены. Общие потери 3-й бригады доходили до 1,5 тыс. человек. Пропал без вести военком бригады М.Бочкарев, не желая попасть в плен, застрелился раненый командир 1-го Камышловского полка Б.И.Швельнис. Большие потери понес отряд моряков. Китайский полк потерял около 400

человек, был убит командир полка Жэнь Фучэнь. В штабном вагоне командование 3-й бригады оставило всю оперативную документацию и свои удостоверения и мандаты. С большим трудом вырвался со станции комбриг И.П.Вырышев¹⁸.

Утром 1 декабря временно командующий Китайским полком военком Погорелов доложил, что из 540 человек после боя вырвалось примерно 140 человек¹⁹. Судьбу остатков Китайского полка можно проследить по двум рапортам, отправленным в штаб дивизии в этот же день.

«Бисер. Начдиву Васильеву из штабрига-2.

№ 21 от 1 декабря 1918 г. 13 час. 15 мин.

Остатки Китайского полка сформированы мною в одну роту численностью в 116 человек и пулеметную команду в 29 человек. Все люди заявляют, что они больны и требуют отправки их на отдых, указывая, что они в течение двух месяцев не пользовались отдыхом. Выступить на позиции категорически отказались.

Прошу приказания, как поступить.

Врид командира Китайского полка Погорелов»²⁰.

«Начдиву-29, 1 декабря 1918 г. 16 час. 50 мин.

Прошу разрешения отправить оставшихся 60 человек китайцев, не исполняющих боевого приказа, в Бисер. Всего их было 116 человек и после моего заявления, что не желающие исполнять приказы будут арестованы, половина их разбежалась.

Комбриг-2 Клоков»²¹.

Этот страшный зимний вечер 29 ноября 1918 г. на станции Выя, когда застигнутые врасплох китайцы расстреливались в упор и кололись штыками, лишил всех уцелевших их обычного фатализма, упорства и дисциплины. Больше на Урале отдельных частей, состоящих из китайцев, не отмечалось, хотя, конечно, отдельные китайцы продолжали воевать в составе как красных, так и белых частей. Думается, что с доказательствами «уменья воевать» этих несчастных людей, попавших в

чужую страну и обманутых своими авторитетами, вроде Жэнь Фучэня, все ясно. Остается разобрать вопрос о доказательствах, приведенных в газете АИФ Урал от ноября 2017 г.

Заинтересовавшись вышеприведенным стихотворением о красных китайцах, я нашел этот сборник пролетарской поэзии, который оказался опубликованным в ноябрьском журнале «Искусство кино» за 2012 год. Во время дальнейшего поиска выяснилось, что эти так называемые «пролетарские стихи» сочинил наш современник, известный российский поэт, сценарист, писатель-формалист и стилизатор Денис Сергеевич Осокин²². Все эти стихи являются не чем иным, как настоящей литературной мистификацией, и талантливый казанский автор идет по следам знаменитых мистификаторов прошлого: Джеймса Макферсона (Песни Оссиана), Яна Потоцкого (Рукопись, найденная в Сарагоссе) и Проспера Мериме (Песни западных славян). Стихи Д.С.Осокина настолько удачно стилизованы, что вводят в заблуждение многих исследовате-

лей судеб китайских интернационалистов и, как оказалось, ввели в заблуждение и екатеринбургских архивистов.

Примечания:

¹ Китайский спецназ. Как мигранты из Поднебесной защищали революцию // Аргументы и факты. Аиф-Урал. 2017. 1 ноября.

² Правильное написание Жэнь Фучэнь.

³ Сборник пролетарской поэзии. Сарапул, 1924. // Искусство кино. 2012. ноябрь.

⁴ Пичугов С.Г. Неизвестными путями. Воспоминания о Гражданской войне на Урале. М., 1958. С. 97.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1334, оп. 2, д. 9, л. 899.

⁶ Там же, л. 896.

⁷ Пичугов С.Г. Указ. соч. С. 97.

⁸ РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 9, л. 896.

⁹ Там же, л. 842-843.

¹⁰ Фомичев И.А., Борисов А.Г. Верхотурский уезд в период революции и Гражданской войны. Верхотурье, 2009. С. 150.

¹¹ РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 9, л. 813.

¹² Там же, л. 832.

¹³ Там же, л. 831.

¹⁴ Там же, л. 284.

¹⁵ Циденков Г. Китайцы в РККА: искусство войны. URL. <https://warsport.ru/13620-kitaysy-v-rkka-iskusstvo-voyny>.

¹⁶ РГВА, ф. 1334, оп. 2, д. 7, л. 535.

¹⁷ Там же, л. 532.

¹⁸ Там же, л. 434-435.

¹⁹ Там же, д. 352, л. 255.

²⁰ Там же, д. 33, л. 457.

²¹ Там же, л. 467.

²² Полторацкий И.С. Стилизация орнаментального сказа в прозе Дениса Осокина. Цикл рассказов «Ангелы и революция. Вятка 1923» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 375-386.

Кенотаф красным бойцам 3-й бригады на станции Выя.

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЕЛА СЕДЛАЧЕКА,
ЧЕШСКОГО ЛЕГИОНЕРА И ВОИНА 3-ГО ЯНА ЖИЖКИ ПОЛКА
НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ,
ПЛЕН, ПОБЕГ ИЗ ПЛЕНА И ЖИЗНЬ В УРАЛЬСКОМ ЛЕСУ,
ВОЗВРАЩЕНИЕ К СВОИМ
И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ СЧАСТЛИВОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ
ОТ ВСЕХ НЕВЗГОД И СТРАДАНИЙ**

Александр КРУЧИНИН

В конце октября – начале ноября 1918 г. в районе станции Кын и Кыновского завода шло очередное сражение между красными войсками и чехословацкими легионерами. 31 октября Сводная группа войск капитана М.Немеца после утомительных маршей и недолгого боя захватила Кыновский завод. Оставив на заводе заслон, часть легионеров двинулась обратно на станцию Кын и к вечеру 1 ноября, уже в сумерках, прибыла на станцию. Из Кыновского завода они привезли на повозке стрелка 9-й роты 3-го Яна Жижки полка Карела Седлачека, который еще 1 октября пропал без вести во время боя, а теперь счастливо нашелся.

Карел Седлачек был совсем молодым человеком. Он родился 23 сентября 1896 г. в городе Пльзень в западной Чехии в большой семье полицейского инспектора Карела Седлачека-старшего, 1859 года рождения и его жены Марии, урожденной Влаховой 1862 года рождения. В семье было пятеро детей, и Карел был самым младшим. С 1902 по 1908 г. он учился в начальной школе (obecná škola). Хотя документы об этом не сохранились, но он, скорее всего, проучился какое-то время и в средней школе (základná škola). Дальше следовала обычная судьба чешского молодого человека в Мировой войне, он был мобилизован в австро-венгерскую армию и после краткого обучения попал в 7-й ландверный пехотный полк. 2 сентября 1915 г. в окрестностях города Ровно на Украине Карел попал в русский плен. После недолгого пребывания в лагере для военнопленных в знаменитой Дарнице он был направлен на работы в шахтерский поселок Макеевка в Донбассе, откуда 20 июня 1917 г. поступил в чехословацкое войско и стал стрелком 3-го Яна Жижки полка.

Вместе с полком стрелков 9-й роты Карел Седлачек отступал с Украины в Советскую Россию, а затем из Пензы поехал на восток. В составе своего полка он участвовал в занятии Челябинска и в боях под

Аргашем, Кыштымом, Каслинским заводом, и в занятии Екатеринбург. В августе – октябре его батальон вел бои на Лысьвенском направлении. 1 октября 1918 г. во время неразберихи при отходе от деревни Песьянка у станции Кын, Карел Седлачек отбил от своей роты и на следующий день 2 октября был пленен красноармейской полевой стражей. Он был отведен на станцию Кын, но этой же ночью со 2 на 3 октября ему удалось убежать, причем его охраняли так беспечно, что он даже прихватил с собой винтовку. Он убежал в лес, к северу от станции Кын и пытался по лесам пробраться к своим, но безуспешно. Чехословацкие эшелоны отступили на 25 километров к станции Унь. Если бы он знал, как туда добраться по лесным дорогам, то смог бы пройти дня за два-три. Идти вдоль железной дороги он опасался, а компаса у него не было, и он напрасно блуждал по лесу.

Когда у него закончился небольшой запас еды, он забрался в стог сена, как позднее выяснилось, это было между станцией Кын и Кыновским заводом, и пролежал там без еды, ожидая своих, более трех недель! Сначала он потихоньку вылезал ночами и набирал воду из находившегося неподалеку ручья, а когда в 20-х числах октября похолодало и выпал снег, то пришлось уюлять жажду снегом.

По средним многолетним данным температуры за октябрь по метеостанции Кыновского завода: в начале октября бывало + 5 градусов, в середине октября + 2 градуса, а в конце октября – 3 градуса. Постепенно он так ослаб, что уже не вылезал из своего убежища. 31 октября Карел Седлачек слышал выстрелы и вроде бы чешские голоса, но идти он уже не мог. На его счастье, 1 ноября мимо проезжал на санях какой-то крестьянин. Седлачек выглянул, позвал его и спросил, есть ли в Кыновском заводе чехи? Мужик подтвердил, и тогда Седлачек попросил отвести его туда. Мужик

сначала отказался, но когда Карел выставил бывшую с ним винтовку, то согласился.

Когда Карела Седлачека доставили на станцию Кын, то его немедленно забрал к себе в санитарный вагон лекарь 2-го батальона 3-го Яна Жижки полка доктор Антонин Горшейш, уроженец района Смихов в Праге и попавший в плен лекарь 28-го пехотного полка «Пражские дети». Доктор выхаживал Карела Седлачека, и через три месяца, 2 февраля 1919 г., когда полк стоял на отдыхе в Екатеринбурге, Карел уже совсем здоровый вернулся к своей роте.

Судя по карточке Карела из военно-исторического архива, он в 1920 г. вернулся в Чехословакию, демобилизовался и после почти 6-летнего отсутствия встретился со своими родителями, сестрами и братом. Сначала он работал в магазине, а потом, как и его отец, стал работать в канцелярии полицейской дирекции в Пльзене. Согласно регистрационной карточке он служил в 1931 г. чиновником в отделе нравов и социального попечения. В 1936 г. после смерти матери Карел женился. Его женой стала Ирина урожденная Пржибикова, 1901 года рождения, бывшая уже в браке, но разведенная в 1927 г. После смерти отца Карела Седлачека-старшего, они с женой проживали в квартире родителей по улице Ольшова, 38. Их брак был бездетным.

Во время германской оккупации Карел и Ирина Седлачковы до 1943 г. жили в Пльзене, а летом этого же года переехали в сельскую местность – в Свойковице под Рокицанами. После окончания войны они перебрались в городок на севере Чехии – Чешская Липа. Ранее здесь в основном проживали немцы, которые в 1946–1947 гг. были в массе своей выселены в Германию. Там в Чешской Липе Карел Седлачек заболел и умер 8 декабря 1950 г. Он был похоронен на старом городском кладбище, но так как за могилой никто не ухаживал, она не сохранилась. □

Железная дорога от Кына на Кормовище.

Мемориальная доска на станции Кын.

Реконструкторы на станции Кын.

